

Айрин
КРЮКОВА

Замуж
ВОПРОТИВ
НЕНАВИСТИ

Айрин Крюкова

Замуж вопреки ненависти

<https://litres.ru/74238494>

Аннотация

Я помню, как впервые влюбилась.

Помню, как дрожали руки, когда я призналась ему в своих чувствах. Я была смешной, нелепой, слишком искренней... и слишком наивной.

А Клинтон Форд просто рассмеялся мне в лицо.

Он не пытался быть мягче. Не пытался промолчать. Он посмотрел на меня так, будто я сказала самую глупую вещь в его жизни, и холодно бросил:

– Ты правда думала, что я приму твои чувства?

В тот день я потеряла не только первую любовь. Я потеряла себя.

Смех за моей спиной преследовал меня до самого отъезда. Я сбежала в другую страну, в другую жизнь, в другое тело и характер. Я изменилась. Я стала той, над кем больше не смеются.

Я вернулась домой уверенной, сильной и готовой начать всё заново.

Пока отец не сообщил, что моё будущее уже продано.

– Ты выйдешь замуж, Миллисента.

Я ещё не знала имя жениха. До того момента, пока не услышала его.

Клинтон. Форд.

Всё внутри меня вспыхнуло яростью.

– Папа, я не хочу!

Он даже не посмотрел на меня, спокойно продолжая листать документы.

– Кто спрашивает у тебя, хочешь ты или нет.

Теперь мне предстоит выйти замуж за мужчину, который однажды уничтожил меня. За человека, которого я ненавижу больше всего на свете.

Содержание

Пролог	5
Глава-1. Разговор без выбора.	12
Глава-2. Без оглядки назад.	25
Глава-3. Возвращение кошмара.	35
Глава-4. Сломанная попытка.	43
Глава-5. Под замком.	56
Глава-6. Сквозь холод его глаз.	66
Глава-7. Красиво связаны.	80
Глава-8. Новый отсчёт.	94
Глава-9. Холодная искра.	114
Глава-10. Проданная и представленная.	137
Глава-11. Холодная ложевая правда.	160
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Пролог

Пять лет назад

Последний звонок давно отзвенел, но коридоры ещё жили шумом. Смех, хлопки шкафчиков, быстрые шаги, чужие голоса, от которых у меня внутри всё сжималось. Я шла медленно, будто каждый метр давался через усилие. В ладонях я сжимала открытку. Простую, светлую, с неровно выведенными буквами внутри. Я перечитывала их столько раз, что могла бы написать наизусть.

Ты мне нравишься. Так, что по коже бегут мурашки. Так, что я забываю дышать, когда ты рядом.

Бумага была тёплой от моих рук. Я боялась, что она выдаст меня раньше, чем я успею сказать хоть слово.

Я знала, где он будет.

Клинтон Форд всегда стоял у своего шкафчика после уроков. Как будто мир сам подстраивался под него. Я увидела его ещё издали и сердце тут же сорвалось в бег. Высокий. Прямой. Красивый так, что это почти злило. Тёмные волосы, уверенная осанка, расслабленные плечи. Он смеялся. Его окружали друзья, шумные, уверенные, такие же недостижимые, как и он сам.

Я на секунду остановилась.

Хотелось развернуться. Спрятаться в туалете. Порвать от-

крытку и сделать вид, что этого дня никогда не было. Но я вспомнила прошлый год. Тот день, когда меня зажали за спортзалом. Слова, от которых хотелось исчезнуть. И его голос. Спокойный. Резкий. Он тогда встал между мной и ними. Просто сказал, чтобы отстали. И они отстали.

С того момента я пропала.

Я вдохнула глубже и пошла дальше.

Мои шаги были тихими, но мне казалось, что весь коридор слышит, как я иду. Когда я подошла ближе, разговор утих. Кто то из его друзей бросил на меня быстрый взгляд. Потом ещё один. Я остановилась прямо перед Клинтоном.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

Я подняла глаза.

– Привет.

Голос дрогнул, но не сорвался. Сердце билось так громко, что я была уверена, он его слышит.

Он чуть приподнял бровь, будто удивлённый.

– Привет?

Это был вопрос. Не имя. Не узнавание. Просто слово.

Я почувствовала, как щеки наливаются жаром. Я посмотрела на его друзей. Они не уходили. Стояли, наблюдали, ждали. Мне стало неловко, но отступить было уже поздно. Я слишком долго шла к этому месту. Слишком долго носила эту открытку.

Я снова посмотрела на него.

Он был так близко, что я видела мелкие детали. Линию че-

люсти. Ресницы. Лёгкую тень усмешки, которой ещё не было, но которая будто уже намечалась.

Я сжала открытку сильнее.

Это был момент. Единственный. И я знала, что если не скажу сейчас, не скажу никогда.

Я сделала вдох, и шагнула навстречу своей первой любви.

Я запнулась. Слова вдруг стали вязкими, как будто рот наполнился водой.

– Это... это тебе.

Моя рука дрогнула, когда я протянула ему открытку. Пальцы будто не слушались. Я на секунду испугалась, что выроню её прямо на пол. Клинтон взял бумагу не сразу. Его голубые глаза встретились с моими. Холодные, прозрачные, будто стеклянные. В них не было ни тепла, ни удивления. Только отстранённость.

Я увидела, как один из его друзей усмехнулся. Наклонился к другому и что-то прошептал ему на ухо. Тот фыркнул. Моё сердце ухнуло куда-то вниз, в пустоту, когда Клинтон развернул открытку.

Я стояла и смотрела, как его взгляд скользит по строчкам. По тем самым словам, которые я писала ночью, стирая слёзы рукавом. По словам, в которых я была вся.

Он несколько секунд не двигался.

Не улыбался.

Не хмурился.

Просто читал.

Каждая секунда тянулась вечностью. Я чувствовала, как внутри всё сжимается, как по спине ползёт холод, как в ушах стучит кровь.

Потом он поднял взгляд.

– Ты серьёзно?

Всё вокруг будто замерло. Коридор исчез. Остались только его глаза и это короткое, равнодушное предложение.

Я заморгала.

– Что?

Глупо. Тихо. Почти неслышно.

– И с какими надеждами ты это написала?

Я почувствовала, как начинают дрожать руки. Как подгибаются колени.

– Я... Я...

Слова рассыпались. Я не могла их собрать. Вокруг нас начали шептаться. Сначала тихо. Потом громче. Смех. Сдержанный, мерзкий.

– Ты правда думала, что я приму твои чувства?

Эти слова ударили прямо в сердце. Не по касательной. В самую середину. Так, что на мгновение стало трудно дышать.

Это он?

Тот самый добрый парень, который когда-то защитил меня?

Или я просто придумала его таким, каким хотела видеть?
Я не успела ответить.

Из ниоткуда появилась Николь Винтер.

Её голос я узнала бы из тысячи. Когда-то она была моей подругой. По крайней мере, я так думала. Только для меня она была подругой. Для неё я стала шуткой в тот момент, когда начала набирать вес. Сначала взгляды. Потом смешки. Потом слова. Потом травля. В последнее время она будто отстала. Я поверила, что всё закончилось.

Как же я ошибалась.

Николь обвила руки вокруг плеч Клинтона, прижалась к нему так естественно, будто имела на это право. Она скользнула взглядом по открытке. И начала читать. Медленно. С интересом. С наслаждением.

Я стояла и дрожала. Слезы подступали к глазам, жгли, размывали картинку. Я всё ещё надеялась. Глупо. Отчаянно. Что он скажет хоть что-то. Остановит её. Заберёт бумагу. Скажет, чтобы она ушла.

Он молчал.

Николь дочитала и вдруг расхохоталась. Громко. Так, что эхо разлетелось по коридору.

– О Боже! Ты серьёзно? – она посмотрела на меня, вытирая слезу смеха. – Это что, признание?

Ребята вокруг оживились.

– А что там?

– Дай посмотреть.

– Ну?

Николь подняла открытку выше, как трофей.

– Наша толстушка Милли влюблена в Клинтона! – протя-

нула она с такой издёвкой, что внутри всё оборвалось. – И она хочет, чтобы он был её парнем!

Смех накрыл волной. Громкий. Безжалостный. Колючий. Я почувствовала, как слёзы всё-таки срываются и катятся по щекам. Я посмотрела на Клинтона в последний раз.

В его глазах был только холод.

Ни смущения.

Ни сожаления.

Ни капли сочувствия.

Он не остановил её.

Если он не хотел принять мои чувства, он мог бы просто сказать это наедине. Спокойно. По-человечески. Но он позволил им смеяться. Позволил мне стать зрелищем.

Я больше не выдержала. Развернулась и побежала прочь.

Со всех ног. Не разбирая дороги. В глазах всё плыло. Воздух резал грудь. Больно. Как же больно. За спиной я слышала голоса. Смех. Чужие слова, которые впивались в спину, как иглы.

Я бежала и думала только об одном.

Разве я заслужила такое?

Моя первая любовь.
И такая жестокая.

С каждым шагом сердце будто рвалось на части, оставляя после себя пустоту и злость. Глухую. Чёрную. Липкую.

К окружающим. К этому миру.

И особенно к нему.

К ублюдку по имени Клинтон Форд.

Приветствую вас, мои любимые читатели! Добро пожаловать в мою горячую новинку. Буду очень рада вашей поддержке, ведь именно вы вдохновляете меня на новые главы и эмоции.♥#####

Глава-1. Разговор без выбора.

Недели назад был мой выпускной.

Один из тех редких дней, которые хочется сохранить в памяти навсегда, не трогать, не разбирать на части. Я

Студенческая жизнь стала для меня самым незабываемым. Самым лучшим, что у меня когда-либо было. Там меня уважали. Ценили. Там я чувствовала себя живой.

Жаль, что всё закончилось.

Теперь эта глава закрыта. Аккуратно, но бесповоротно. И я стою на трапе самолёта, делая шаг вниз, возвращаясь туда, куда не собиралась возвращаться вовсе.

Минуту назад самолёт приземлился. Англия осталась позади. Канада встретила ярким солнцем и ощущением странной пустоты внутри.

Я не была здесь четыре года. Четыре длинных, спокойных, счастливых года. Я и вовсе не планировала сюда возвращаться. У меня были другие планы. Другая жизнь. Другой маршрут.

Но пришлось.

Отец позвал меня. Коротко. Сухо. Сказал, что я должна вернуться. Что нас ждёт большой разговор. Я слишком хорошо знаю его характер, чтобы спорить. Когда он говорит таким тоном, это не просьба. Это приказ. И я не посмела отказать.

Солнечные лучи били прямо в глаза. Я поморщилась. Надо было надеть очки. Но сейчас я уже не могла этого сделать. Они были где-то в самом низу сумки, зарытые между вещами и документами. Я уже спустилась с лестницы и пошла вперёд, катя за собой чемодан.

Я не брала много одежды. Не видела смысла. Всё равно это временно. Я скоро снова улечу обратно. Взяла только самое необходимое. Никаких лишних вещей.

Когда я вышла из аэропорта, меня накрыла волна узнавания.

Знакомые лица.

Мама. И Джоди.

Сердце болезненно дёрнулось. Я даже не успела ничего сказать, как Джоди сорвалась с места и побежала ко мне. Она буквально подпрыгнула и повисла у меня на шее, сжимая так крепко, будто боялась, что я исчезну.

– Эй, эй, полегче, ты уже не лёгкая, как раньше – рассмеялась я, и сквозь смех мы обнялись ещё крепче.

– Я так скучала, Милли – выдохнула она мне в плечо.

– О, ты не представляешь, как я тоже – ответила я честно.

Мы так стояли, обнявшись, наверное, целую минуту. Я вдыхала её запах, такой домашний и родной.

– Значит, по маме ты не скучала?

Я подняла взгляд. Мама стояла рядом, сложив руки, и смотрела на меня с притворной обидой. Я сразу узнала это выражение лица. Оно ничуть не изменилось.

– Как тебя можно забыть, мама – сказала я мягко и шагнула к ней.

Я обняла её крепко. Так, как давно не делала. Она пахла знакомыми духами и чем-то очень родным. Мама чуть сильнее прижала меня к себе, и я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Я дома.

И почему-то от этой мысли стало совсем не спокойно.

Мы вышли на парковку. Воздух был тёплым, плотным, пах асфальтом и чем-то знакомым до боли. Я поймала себя на мысли, что даже запахи здесь другие. Или это я стала другой. За эти годы я привыкла к другому воздуху, к другому ритму.

Мама тут же забрала у меня чемодан, будто я всё ещё та девочка, которой нужно помогать, даже если она давно научилась справляться сама.

– Ты совсем похудела – сказала она, оглядывая меня с головы до ног, не скрывая удивления. – В Англии вас там хоть кормят?

– Иногда – усмехнулась я. – Если не забываешь поесть между лекциями и дедлайнами.

Джоди шла рядом и без умолку болтала. Про школу. Про подруг. Про какие-то мелкие драмы, которые казались ей концом света. Я слушала и ловила себя на том, что мне это нравится. Этот шум. Это ощущение обычной жизни, в которой всё просто.

В какой-то момент она резко остановилась и посмотрела на меня внимательнее.

– Блин! Ты стала такой стройной! Будто с обложек вышла – сказала Джоди, широко распахнув глаза.

Я рассмеялась.

– Думаешь? – спросила я, притворяясь, что мне всё равно, хотя внутри что-то приятно дрогнуло.

– Конечно! Ты же огонь – уверенно заявила она. – Даже не верится, что ты та самая пухляшка.

– Это да – тихо сказала я.

Я не стала говорить, чего мне это стоило. Сколько было вечеров, когда хотелось всё бросить. Сколько усилий, дисциплины, боли в мышцах и борьбы с собственной головой. Это не было волшебным превращением. Это была работа. Долгая. Упрямая. Моя.

Мы сели в машину. Я устроилась на заднем сиденье и прижалась лбом к стеклу. Город медленно проплывал мимо. Те же улицы. Те же дома. Те же перекрёстки, которые я когда-то знала наизусть. Я могла бы ехать с закрытыми глазами и всё равно понимать, где мы.

Но внутри не было ни радости, ни ностальгии. Только лёгкое, неприятное напряжение. Будто я вернулась не туда.

Отец не пришёл, чтобы встретить меня. Я, впрочем, этого и не ожидала. Он всегда был отстранённым человеком. Не сказать, что я любила его очень. Это было другое чувство. Уважение. Благодарность. Признание того, что всё, что у ме-

ня есть, во многом благодаря ему.

Он всегда был центром нашего дома. Его решения не обсуждались. Его слово было последним. Даже когда я уехала, он оставался где-то на фоне моей жизни. Далёкий. Холодный. Контролирующий. Как фигура, которая всегда присутствует, даже если её не видно.

Мы ехали молча. Джоди наконец притихла, уткнувшись в телефон. Мама сосредоточенно смотрела на дорогу. А я смотрела на своё отражение в стекле. Уверенная. Собранная. Спокойная снаружи. Совсем не та Милли, что уезжала отсюда с чемоданом и разбитым сердцем. А ведь я обещала себе больше не вернуться сюда.

Машина остановилась перед нашим домом. Я посмотрела на него через лобовое стекло и вдруг поймала себя на мысли, как долго меня здесь не было. Он стоял всё так же спокойно и уверенно, будто время не касалось его вовсе. Белые стены. Большие окна. Аккуратный двор. Ничего не изменилось.

Мы вышли из машины. Я открыла багажник и достала свой чемодан. Он показался мне неожиданно тяжёлым, хотя вещей в нём было немного. Скорее всего, это была не физическая тяжесть. Просто усталость наконец-то дала о себе знать.

Мы вошли в дом. И меня накрыло странное чувство. Я и правда забыла, как здесь бывает уютно. Не показное, не холодное богатство, а именно тишина, мягкий свет, запах чистоты и чего-то домашнего. Пол под ногами был тёплым. В

коридоре всё стояло на своих местах. Этот дом умел создавать ощущение порядка, даже если внутри у тебя полный хаос.

– Ты голодна? – спросила мама, разуваясь.

– Нет – ответила я честно. – Мне бы не помешало поспать.

Я зевнула, не скрывая усталости. Веки наливались тяжестью, тело будто просило остановиться.

– Хорошо, ты поспи – сказала мама мягко. – Всё-таки дорога изматывает.

Я кивнула. Даже говорить больше не хотелось. Поднялась по лестнице, медленно, не торопясь, словно растягивая этот момент одиночества.

Я дошла до своей комнаты и остановилась на секунду перед дверью. Потом открыла её.

Комната встретила меня знакомым спокойствием. Всё было точно так же, как я и оставила. Кровать. Шкаф. Стол у окна. Только одно бросалось в глаза – здесь явно регулярно убирались. Ни пылинки. Ни ощущения заброшенности. Будто я вышла всего на пару дней, а не на годы.

Я поставила чемодан рядом с кроватью, даже не думая его разбирать.

Скинула обувь и буквально рухнула на кровать, не раздеваясь.

Матрас оказался всё таким же удобным. Тело сразу откликнулось расслаблением. Я устала в потолок, позволяя мыслям течь медленно и лениво. Свет из окна мягко ло-

жился на стены. Где-то внизу тихо ходили мама и Джоди. Дом жил своей обычной жизнью.

Я даже не заметила, в какой момент дыхание стало ровнее. Глаза закрылись сами собой. Усталость накрыла мягко, без борьбы.

И я погрузилась в сон.

Я проснулась не сразу. Сначала было ощущение пустоты и тяжести, будто я вынырнула из густой воды. Тело не хотело слушаться. В голове гулко отдавался сон, обрывки мыслей путались. Я моргнула и уставилась в потолок.

Темно.

За окном не было ни дневного света, ни солнечных бликов. Только плотная ночь и редкие отблески уличных фонарей, которые пробивались сквозь шторы. Комната казалась чужой и одновременно до боли знакомой. Всё на своих местах. Ничего не изменилось. Изменилась только я.

Я медленно села на кровати. В груди было странное чувство, будто меня разбудили не отдохнувшей, а наоборот вытянули из сна слишком рано. Горло пересохло. Виски слегка ныли.

Я встала и пошла в ванную. Свет резанул по глазам. Я подошла к раковине и включила холодную воду. Опустила ладони, затем лицо. Холод ударил резко, заставив вдохнуть глубже. Капли стекали по щекам, по подбородку. Я подняла голову и посмотрела на себя в зеркало.

Взрослая. Собранная. Спокойная снаружи.

И тревожная внутри.

Я вытерла лицо полотенцем и вышла в коридор. Дом был тихим. Ни смеха, ни голосов. Только приглушённые звуки где-то внизу.

Я начала спускаться по лестнице, и в этот момент увидела маму. Она стояла у кухни, будто знала, что я сейчас выйду.

– Ты же проснулась? – спросила она.

– Да – ответила я.

Она внимательно посмотрела на меня. Слишком внимательно.

– Тогда иди в кабинет папы. Он ждёт тебя.

Вот оно.

Сердце дёрнулось. Не резко, а тянуще, неприятно. Я кивнула и пошла дальше. Коридор к его кабинету показался длиннее, чем обычно. С каждым шагом внутри нарастало странное чувство. Будто я уже шла сюда. Будто этот путь мне знаком до мелочей. Дежавю накрыло внезапно и тяжело.

Я остановилась перед дверью. Постояла секунду. Сделала вдох. Постучала.

– Входи – раздался его голос.

Я открыла дверь.

Отец сидел в своём кресле. Всё как всегда. Прямая спина. Сдержанное лицо. Стол аккуратно завален документами. Настольная лампа освещала бумаги, делая тени резче. Он поднял на меня взгляд, оценивающий, спокойный, отстранён-

ный.

– Привет, пап – сказала я.

Мой голос прозвучал ровнее, чем я чувствовала внутри. Слишком спокойно для того, как сильно у меня было сжато всё внутри.

– Здравствуй – ответил он.

Ни улыбки. Ни даже намёка на тепло. Он не поднялся с кресла, не сделал ни шага навстречу. Просто сидел, как всегда, уверенный, собранный, отстранённый. И я вдруг отчётливо поняла, что даже не ждала от него другого. Мы никогда не были такой семьёй, где обнимаются, спрашивают, скуцали ли, радуются возвращению.

– Ты выросла – сказал он после короткой паузы.

Словно ставил галочку. Как факт. Не как гордость.

– Как видишь – пожала я плечами.

– Садись.

Он указал на кресло напротив. Жест был чётким, привычным. Я подчинилась, хотя внутри что-то неприятно кольнуло. Это кресло всегда означало разговоры, которые нельзя было оспорить.

– Как ты поживала там? – спросил он, сложив руки на столе.

– Отлично – ответила я. – Даже прекрасно.

Я намеренно сказала это уверенно. Пусть знает, что без него моя жизнь не развалилась.

– Я рад.

Он произнёс это сухо. И снова наступила тишина. Густая, давящая. Он смотрел на документы, будто меня здесь и не было. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри нарастает раздражение. Зачем звать меня через океан, если ты даже не смотришь?

– Ты звонил и сказал, что разговор важный – сказала я наконец, не выдержав.

– Он не просто важный – ответил отец. – Он необходимый.

Слово резануло. Необходимый. Как операция. Как сделка. Как что-то, где нет выбора.

Я напряглась всем телом.

– Я вернулась только сегодня. Может, мы могли бы...

– Нет – перебил он. – Мы не будем откладывать.

Он поднял на меня взгляд. Прямой. Холодный. Такой взгляд всегда означал одно – решение уже принято.

– Я договорился о твоём будущем.

Сначала я почувствовала холод. Он прошёлся по позвоночнику, спустился в живот, сковал грудь.

– О моём будущем? – переспросила я, будто не расслышала.

– Да. О браке.

Слово зависло в воздухе. Брак. Я слышала его, но не сразу поняла смысл. В голове вспыхнули обрывки мыслей. Свадьба. Муж. Совместная жизнь. И ни одной эмоции, кроме нарастающего ужаса.

– Ты шутишь – сказала я, но голос предательски дрогнул.

– Я никогда не шучу в таких вопросах.

Я резко встала. Стул скрипнул, но мне было плевать.

– Папа, я только закончила университет. У меня планы. Работа. Англия. Моя жизнь там. Какая ещё свадьба? Да ещё и с человеком, которого я знать не знаю?

Слова вылетали быстро, сбивчиво. Я говорила и чувствовала, как внутри поднимается паника. Сердце билось слишком громко. Ладони вспотели.

– Твоя жизнь здесь – сказал он ровно. – И этот союз выгоден для нашей семьи.

– Выгоден? – переспросила я.

Это слово будто ударило по лицу. Выгоден. Значит, меня уже посчитали. Оценили. Решили.

– Садись – сказал он.

– Папа, пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

Я смотрела на него почти умоляюще. Впервые за долгое время. Но он даже не дрогнул. Ни один мускул на лице.

– Садись – повторил он уже жёстче.

– Но...

– Я сказал, садись.

И я села.

Грудь сдавило, будто кто-то медленно сжимал её изнутри. В голове шумело. Мысли путались. Я чувствовала, как дрожат руки, как дыхание сбивается, как подступают слёзы, которые нельзя показать.

– Ты не можешь так просто решить за меня – сказала я.
– Я не вещь.

Голос сорвался на последнем слове.

– Милли – сказал он спокойно. – Я уже всё решил. И я не буду спрашивать у тебя разрешения.

Каждое слово било точно и больно. Не крича. Не повышая голос. Именно поэтому было так страшно.

Я посмотрела на отца. И увидела лишь холод. Абсолютный. Без сожаления. Без сомнений. И в этот момент меня накрыло осознание.

Это мой отец?

Отец, который продаёт свою дочь ради бизнеса?

А я ведь так хотела выйти замуж по любви. Хотела, чтобы меня выбрали. Чтобы меня захотели. Чтобы это было моё решение.

– Кто это? – спросила я почти шёпотом.

Он открыл шкаф, достал папку и начал листать бумаги. Бумаги. Документы. Как будто речь шла не обо мне, а об очередном контракте.

– Клинтон Форд.

Имя ударило мгновенно. Будто меня толкнули в грудь. Я резко подняла голову, не веря, что услышала.

Нет.

Только не он.

Нет.

Нет.

Нет.

Клинтон. Форд.

Внутри будто что-то взорвалось. Ярость, ненависть, боль
– всё смешалось.

– Папа, я не хочу!

Он даже не посмотрел на меня.

– Кто спрашивает у тебя, хочешь ты или нет.

И в этот момент стало ясно.

Это не разговор. Это приказ.

Глава-2. Без оглядки назад.

Меня трясло.

Не просто дрожь в руках, а всё тело будто било током. Я сидела напротив отца и не слышала половины того, что он говорил дальше. В ушах гудело. Перед глазами всплывали картинки, которые я так старательно прятала годами.

Школа. Коридор. Голубые холодные глаза.

Я снова видела себя той девочкой. Неловкой. Слишком большой. Слишком заметной. Стоящей перед ним с открыткой в руках и с глупой надеждой в груди. И его голос, режущий, насмешливый. Его друзья. Николь. Хохот, который разрывал меня изнутри.

Клинтон Форд.

Имя било в виски, как молот.

– Ты не понимаешь... – мой голос сорвался, я вскочила с кресла. – Ты просто не понимаешь, кто он!

Отец посмотрел на меня так, будто я говорила о погоде.

– Это не имеет значения – сказал он спокойно. – Важно, что договор уже заключён.

У меня перехватило дыхание.

– Папа... – я шагнула к столу. – Пожалуйста. Я прошу тебя. Не делай этого. Не выдавай меня за него.

Слова срывались, путались, выходили сквозь слёзы. Я ненавидела себя за это. За слабость. За то, что снова стою

перед мужчиной и прошу не ломать меня.

– Всё уже согласовано – отрезал он. – Тема закрыта.

– Почему? – выкрикнула я. – Почему ты так поступаешь со своей дочерью?

Я почувствовала, как по щекам текут слёзы, но не остановилась.

– У тебя вообще есть сердце?

Он замер.

На секунду. Всего на одну чёртову секунду. Его пальцы сжались в кулак. Я увидела это. Увидела и затаила дыхание, будто надеясь, что сейчас он скажет что-то другое. Что-то человеческое.

Но он лишь медленно выдохнул.

– Нет – сказал он.

Это слово ударило сильнее, чем пощёчина.

Я вдруг перестала плакать. Сквозь слёзы у меня вырвалась улыбка. Горькая. Ломаная.

– Тогда ты меня не получишь – сказала я тихо, но отчётливо. – Я не соглашусь. Никогда.

Он ничего не ответил.

Я развернулась и выбежала из кабинета.

Воздух в коридоре был слишком плотным. Я хватала его ртом, но не могла вдохнуть нормально. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Ноги дрожали. Перед глазами темнело.

Я бежала, не разбирая дороги. Вверх по лестнице. В сто-

рону своей комнаты. Подальше. Подальше от этого дома. От этого решения. От этого имени.

Клинтон Форд.

Ненависть жгла сильнее слёз.

Я влетела в комнату и захлопнула дверь так, что задрезали стены. Спина прижалась к холодной поверхности, будто только так я могла удержаться на ногах. Воздуха катастрофически не хватало. Я хватала его ртом, но грудь будто сдавили ремнями.

Руки тряслись. Всё внутри ходило ходуном.

Я прошла к кровати и села, обхватив себя руками. Мысли метались. Отец. Его спокойное лицо, когда он произносил это имя. Как будто вбивал его в меня намеренно.

В дверь тихо постучали.

Я знала, кто это.

– Милли... – мамин голос был осторожным.

Дверь приоткрылась, и она вошла. Закрыла её за собой. Встала у порога, будто не решаясь подойти ближе.

Я подняла на неё глаза. Слёзы снова потекли, сами собой.

– Ты ведь знала, так? – спросила я.

Голос был хриплым. Сломанным.

Мама опустила взгляд. Этого было достаточно.

– Прости – сказала она тихо.

И это слово будто выбило из меня остатки воздуха.

– Вы хотите, чтобы я была несчастна? – выкрикнула я.

Я вскочила с кровати, шагнула к ней. В груди всё жгло.

– Нет, ты что... – она тут же подошла ближе. – Как я могу не желать тебе счастья?

Я рассмеялась. Резко. Почти истерично.

– Тогда почему вы хотите выдать меня замуж? – слёзы текли без остановки. – Я ненавижу его! Ты понимаешь? Я не могу его видеть! Я не могу даже слышать его имя!

Мама попыталась взять меня за руку, но я дёрнулась.

– Милли, послушай... – сказала она. – Это всего шесть месяцев. Потерпи. Потом ты будешь жить так, как сама хочешь.

Я замерла.

– Шесть месяцев? – переспросила я медленно.

В голове это не укладывалось.

– То есть мне нужно просто... потерпеть? – голос сорвался. – Притворяться? Жить рядом с ним? Делать вид, что всё нормально?

Я покачала головой.

– Я не выдержу даже дня – прошептала я. – Я не хочу его видеть. Не хочу находиться с ним в одном пространстве. Не хочу, чтобы он дышал рядом со мной.

Мама шагнула ко мне, снова попыталась обнять.

– Я понимаю, тебе больно...

– Нет, ты не понимаешь! – я повысила голос. – Никто из вас не понимает! Это не просто человек. Это тот, кто разрушил меня!

Я отступила назад, к кровати.

– Я никогда не выйду за него – сказала я твёрдо. – Никогда.

Комната наполнилась тишиной. Тяжёлой. Давящей.

– Пожалуйста... – сказала я уже тише. – Оставь меня одну.

Мама замерла. Я видела, что она хочет что-то сказать. Видела это по её губам, по взгляду. Но у меня больше не было сил.

– Пожалуйста – повторила я.

Она тяжело вздохнула. Этот вздох был полон усталости и бессилия. Потом она развернулась и вышла. Дверь закрылась за ней тихо.

Я осталась одна.

Часы на тумбочке сменяли цифры, но для меня время будто перестало существовать. Я легла на кровать, уставившись в темноту, и каждая мысль резала сильнее предыдущей. Сон не приходил. Он даже не приближался.

В голове снова и снова всплывало одно и то же лицо.

Клинтон Форд.

Как он вообще мог согласиться на этот брак?

Он знает, кто я? Или он даже забыл ту толстушку Милли? Ту самую, над которой смеялся весь коридор? Ту, которую он унизил одним вопросом?

Мысль об этом скручивала желудок.

Или для него это просто выгодная сделка? Деньги, бизнес, фамилия? Неважно, кто стоит рядом, лишь бы контракт был подписан.

Я сжала простыню пальцами.

Как же я его ненавижу.

За то, что он разрушил что-то хрупкое и настоящее, даже не заметив этого.

Он сломал меня тогда. А теперь снова вторгается в мою жизнь, даже не входя в неё по-настоящему.

Я перевернулась на бок, но мысли не утихли.

Если я ничего не сделаю...

Если я просто останусь здесь... Моя жизнь закончится.

Она будет медленно ломаться день за днём, пока от меня не останется ничего, кроме фамилии в чужом доме и улыбки, которую придётся носить, как маску.

И в этот момент что-то внутри меня щёлкнуло.

Нет.

Я резко села на кровати. Сердце билось быстро, но голова вдруг стала удивительно ясной.

Я не буду ждать и подчиняться.

Я не позволю им решить всё за меня.

Я встала, подошла к чемодану и тихо открыла его. Движения были осторожными, выверенными. Я складывала вещи почти на ощупь, стараясь не издать ни звука. Самое необходимое. Документы. Телефон. Зарядка. Немного одежды.

Деньги.

Я посмотрела на карту и убрала её обратно. Если я начну тратить с неё сейчас, отец найдёт меня за считанные часы. Он всегда всё контролирует. Я возьму наличные. Их хватит

на первое время.

Я оглядела комнату. Моя комната. Та, в которой я стала гостьей.

Я тихо приоткрыла дверь и вышла в коридор. Дом спал. Ни шагов. Ни голосов. Лишь слабый свет от ночника внизу. Я шла босиком, стараясь не скрипнуть ни одной ступенькой.

Если они думают, что я буду покорно ждать своей участи, они глубоко пожалеют.

Я вышла из дома так же тихо, как и вошла в него днём. Холодный ночной воздух ударил в лицо. Я вдохнула его глубоко. Свобода пахла страхом, неизвестностью и решимостью.

Мне нужно найти, где остановиться. Хоть на ночь. Хоть ненадолго. А потом... потом я улечу обратно в Англию. Туда, где моя жизнь. Где меня не продают. Где я сама решаю, кем быть.

Я шагнула вперёд, крепче сжав ручку чемодана.

И назад я не оглянулась. Если остановлюсь хоть на секунду, то сомнения догонят.

Я ускорила шаг, почти перешла на бег. Дом остался позади, растворяясь в темноте. Сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно на всю улицу.

У обочины я подняла руку. Такси притормозило почти сразу. Я рванула дверцу и забралась внутрь.

– Куда едем? – спросил водитель, бросив на меня быстрый взгляд в зеркало.

Я назвала адрес. Голос прозвучал твёрже, чем я ожидала

от себя.

Машина тронулась с места.

Я откинулась на сиденье и только сейчас почувствовала, как сильно дрожат руки. Пальцы не слушались. Внутри всё было сжато в тугую узел. Я слышала об этом месте однажды, случайно, обрывком разговора. Тогда это показалось чем-то странным, почти легендой. Убежище для беглецов. Для тех, кого не должны найти.

Я и подумать не могла, что мне самой когда-нибудь понадобится такое место.

Гостиница слишком опасно. Отец найдёт меня за считанные часы. Его связи, его деньги, его влияние. От этого не спрячешься за стойкой ресепшена.

Машина замедлила ход и остановилась.

– Приехали – сказал водитель.

Я вышла.

Передо мной стояло здание, больше похожее на заброшку. Серые стены. Облупившаяся краска. Тусклый свет единственного фонаря. Сердце неприятно кольнуло.

Это точно здесь?

Я сглотнула. Мысль развернуться мелькнула на секунду, но я тут же задавила её. Назад пути нет. Я лучше рискну неизвестным, чем позволю сломать себя окончательно.

Я подошла к входу и толкнула дверь.

Внутри было ещё хуже. Тусклый коридор. Холодный воздух. Эхо шагов. Стены давили. Воображение рисовало самые

мрачные картины, от которых по коже бежали мурашки.

Я сделала ещё несколько шагов и увидела девушку. Она шла навстречу, будто здесь всё было совершенно обычным.

– Простите... – мой голос прозвучал неуверенно. – Это... убежище для беглецов?

Она посмотрела на меня внимательно, оценивающе, потом кивнула.

– Да. Так и есть.

Я облегчённо выдохнула, будто до этого всё время задерживала дыхание.

– А куда мне пройти? – спросила я. – Чтобы... внутрь.

– Пойдём – сказала она и развернулась.

Мы шли по узкому туннелю. Я оглядывалась по сторонам. Каменные стены. Приглушённый свет. Всё выглядело так, будто я попала в подземелье. В голове мелькнула нелепая мысль, что это похоже на камеру пыток из старых фильмов.

Мне было страшно. По-настоящему. Но я шла.

И вдруг девушка остановилась и открыла дверь.

То, что я увидела, заставило меня замереть.

Внизу, под землёй, раскинулся огромный зал. Светлый. Просторный. Современный. Это был настоящий отель. Высокие потолки, мягкий свет, живые растения, тихая музыка. Всё выглядело дорого и безопасно.

У меня буквально отвисла челюсть.

– Спасибо – выдохнула я.

Она улыбнулась и ушла, оставив меня стоять с чемоданом

и бешено колотящимся сердцем.

Я подошла к ресепшену.

– Здравствуйте – сказала я.

Парень за стойкой поднял на меня взгляд и кивнул.

– Мне нужна комната – сказала я.

Он без лишних вопросов начал что-то проверять в системе.

– Номер 214 – сказал он, протягивая ключ. – Третий уровень.

Я взяла ключ, но не сдвинулась с места.

– Скажите... – я понизила голос. – Меня здесь точно никто не найдёт?

Он посмотрел на меня спокойно и уверенно.

– Никто. И никогда.

Я кивнула.

С этим можно было жить.

Я направилась к своей комнате. Закрыла за собой дверь. Поставила чемодан у стены и опустилась на кровать.

Всё.

Теперь нужно просто подождать. Совсем немного. Как только появится возможность, я улечу обратно. Туда, где моя жизнь. Где я сама выбираю свою судьбу.

Я не собиралась сдаваться.

Глава-3. Возвращение кошмара.

Я открыла глаза из-за будильника. Звук был негромким, но всё равно выдернул меня из сна резко. Я пожмурилась, несколько секунд просто лежала, глядя в потолок, пытаюсь вспомнить, где я и почему вокруг так тихо.

Память вернулась сразу.

Я протянула руку и отключила будильник. В комнате снова воцарилась тишина.

Надо умыться. И пойти в зал.

Я медленно села на кровати, чувствуя приятную тяжесть в мышцах. За эти дни я почти не спала нормально, но усталость была другой - физической. Такой, которую можно выжечь движением.

К моему удивлению, здесь действительно было всё. Тренажёрный зал. Бассейн. Кафе. Комнаты отдыха. Хочешь - тренируйся. Хочешь - исчезай.

Моему нахождению здесь уже три дня.

Три дня тишины.

Я выключила телефон ещё в первую ночь. А на следующий день выбросила его без колебаний. Слишком опасно. По нему меня могут найти за секунды, глазом не моргнув. Я даже не сомневалась, что там сотни пропущенных звонков. Отец. Мама. Возможно, люди, которых я не знаю.

Но мне плевать.

Так же, как и им плевать на мою судьбу.

Я встала, собрала волосы в высокий пучок и пошла в ванную. Холодная вода коснулась лица, окончательно прогоняя остатки сна.

Я надела спортивную одежду. Лосины. Топ. Кроссовки. Всё простое, удобное.

Я вышла из комнаты и закрыла дверь.

Я шла уверенно, зная дорогу. Лифт мягко опустил меня на нужный уровень. Двери открылись, и я шагнула в зал.

Пространство встретило меня запахом металла и чистоты. Несколько человек уже тренировались. Кто-то бегал на дорожке. Кто-то работал с весами.

Я подошла к беговой дорожке и включила её. Медленно. Потом быстрее. Сердце начало разгоняться. Дыхание стало ровным. С каждой минутой мысли отступали. Исчезали лица. Имена. Голоса.

Оставалось только движение.

Я уже втянулась в ритм. Дыхание ровное, шаги отмерены, музыка в наушниках глушила всё лишнее. Мир сузился до беговой дорожки и стука сердца.

И вдруг я почувствовала чужое присутствие.

Рядом зажглась соседняя дорожка. Я краем глаза заметила, как кто-то встал, нажал кнопку, начал бежать почти в моём темпе.

Я не повернула голову. Здесь не принято разглядывать друг друга.

Прошла минута. Может две.

– Привет – вдруг сказал он.

Голос был спокойный. Ненавязчивый. Я вытащила один наушник.

– Привет – ответила я, не сбавляя темпа.

– Неплохая скорость – заметил он. – Далеко не все тут так бегают.

– Я не ради разговоров пришла – сказала я честно.

Он усмехнулся.

– Я тоже. Но иногда молчать рядом скучнее, чем говорить.

Я наконец повернула голову. Он был примерно моего возраста. Может чуть старше. Высокий, спортивный, с ослабленной уверенностью человека, который не пытается понравиться. Тёмные волосы, лёгкая щетина, внимательный взгляд.

– Ты здесь давно? – спросил он.

– Три дня – ответила я.

– Новенькая значит.

– Можно и так сказать.

Он кивнул.

– Я тоже не так давно. Тут... странное место.

– Это точно – сказала я. – Снаружи будто ад, а внутри всё слишком идеально.

– Да – согласился он. – Как будто спрятались не только мы, но и наши проблемы.

Я хмыкнула.

– Если бы проблемы так легко прятались.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

– Ты бежишь так, будто от кого-то убегаешь – сказал он.

– Возможно, так и есть – ответила я.

– От кого?

– От отца.

Он приподнял бровь.

– Серьёзно?

– Абсолютно.

– Жёсткий?

– Контролирующий – поправила я. – Это хуже.

– Понимаю – сказал он после паузы. – И... почему ты здесь?

– А вот этого я говорить не буду – сказала я и чуть улыбнулась.

Он тихо рассмеялся.

– Честно. Уважаю.

Мы бежали молча ещё немного.

– А ты? – спросила я. – Почему ты здесь?

– Почти по той же причине – ответил он. – Отец решил, что мне пора стать тем, кем он хочет.

– И кем же?

– Его копией – сказал он. – Бизнес, ответственность, фамилия, обязательства. Всё по списку.

– А ты не хочешь?

– Я хочу жить – сказал он просто. – Не по чьим-то указа-

ниями.

Мне стало странно тепло.

– Жаль – сказала я.

– Что именно?

– Что у нас у всех такие отцы.

Он усмехнулся, но в глазах мелькнула тень.

– Да. Не самый удачный клуб.

Я замедлила бег и нажала кнопку остановки.

– Мне пора – сказала я, вытирая лоб полотенцем.

Он тоже остановился и шагнул за мной.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Я секунду колебалась.

– Миллисента.

– Красивое имя – сказал он. – Необычное.

– Спасибо.

– А я Эван.

– Приятно познакомиться, Эван.

– Взаимно, Миллисента.

Мы вышли из зала вместе.

– Ты в каком номере? – спросил он вроде бы между делом.

Я снова задумалась, но ответила.

– 214.

Он улыбнулся шире.

– Значит, будем видеться.

– Возможно – сказала я.

– Ты спустишься на завтрак? – спросил он.

– Да – ответила я. – Думаю, да.

– Тогда буду ждать – сказал он. – Миллисента.

Он произнёс моё имя так, будто оно что-то значило.

Я кивнула и пошла к лифтам.

И только когда двери закрылись, я поняла, что улыбаюсь.

Я вышла из лифта и медленно пошла по коридору. Здесь всегда было тихо. Гул шагов отдавался в стенах, будто место специально было создано для того, чтобы человек оставался наедине с собой и своими мыслями

214.

Я провела картой, дверь тихо щёлкнула, и я зашла внутрь. Сразу закрыла за собой, повернула замок.

Сбросила кроссовки, сняла спортивную куртку, потом майку. Тело было разгорячённым после бега, мышцы приятно ныли. Я прошла в ванную, включила душ и встала под струи воды.

Тёплая вода стекала по коже, смывая пот, усталость и хотя бы часть напряжения.

Свет в комнате был приглушённый. Только лампа у кровати освещала пространство мягким жёлтым светом. Солнца я не видела с тех пор, как пришла сюда. Под землёй не бывает утра и вечера. Только время, которое тянется или летит, как ему вздумается.

Я вышла из ванной, обмоталась полотенцем и подошла к зеркалу. В отражении смотрела я, но будто чужая. Спокойная снаружи. Сломанная внутри.

Три дня я не спускалась в ресторан. Заказывала еду в номер, ела машинально, почти не чувствуя вкуса. Сегодня решила выйти. Просто потому что если ещё день провести вот так, в одиночестве, я начну сходить с ума.

Люди, шум, живые голоса. Мне это нужно.

Наверное, меня уже ищут без остановки. Мама плачет. Отец злится. Друзья не понимают, куда я пропала. А я как вор прячусь. Без телефона. Без связи.

Ладно. Неделя. Я подожду неделю. А потом уйду. Улечу. Исчезну снова.

Я как раз тянулась за одеждой, когда раздался стук в дверь.

Я замерла.

Стук был чётким. Уверенным. Не похожим на стук персонала.

Странно. Я ничего не заказывала.

Сердце ускорилося.

Эван?

Мысли сами зацепились за это имя. Он знал мой номер. Он сказал, что будет ждать на завтрак, но... прийти сейчас?

Я быстро подтянула полотенце плотнее, подошла к двери и, не заглянув в глазок, открыла.

И сразу поняла, что ошиблась. Передо мной стояли трое мужчин.

Двое позади. Широкие плечи. Каменные лица. Молчаливые. Опасные.

А прямо передо мной стоял он. Высокий. Огромный по сравнению со мной. Чужой и одновременно до боли знакомый.

Я медленно подняла взгляд. Голубые глаза встретились с моими. И мир будто рухнул внутрь меня.

Эти глаза я узнала бы где угодно. Через год. Через десять. Через сто лет.

Холодные. Жёсткие. Те самые.

Клинтон. Мать его. Форд.

Воздух застрял в лёгких. Полотенце вдруг стало слишком тонким. Комната слишком тесной. А прошлое, от которого я бежала, догнало меня одним коротким стуком в дверь.

Глава-4. Сломанная попытка.

Я замерла.

В прямом смысле. Тело перестало слушаться, будто кто-то щёлкнул выключателем. Воздух застрял в лёгких, сердце ударило так сильно, что отдало в ушах. Мир сузился до этих глаз. Голубых. Холодных. Узнаваемых до боли.

Он.

На секунду мне показалось, что это галлюцинация. Что я просто слишком долго была в напряжении, слишком мало спала, слишком сильно боялась. Но нет. Он стоял слишком реально. Слишком близко. Слишком уверенно.

Я резко пришла в себя и рванула дверь на себя.

Нет. Нет. Нет.

Дверь захлопнулась бы, если бы не его рука. Большая ладонь врезалась в край, не давая закрыть. Я упёрлась всем телом, напрягла руки, вложила в это движение весь страх и ярость, но сил не хватило. Он был сильнее. Всегда был.

– Миллисента Бекер – произнёс он спокойно.

От моего имени, сказанного его голосом, по спине прошёл холод. Я замерла.

– Уйди нахрен, подонок – прошипела я, чувствуя, как голос дрожит от ярости.

В следующую секунду дверь распахнулась полностью. Я испуганно отступила назад, почти споткнувшись. Комната

Вдруг стала слишком маленькой. Слишком тесной для нас двоих.

Нет, нет, нет. Только не так.

Он шагнул внутрь и захлопнул дверь за собой. Щелчок замка прозвучал оглушительно.

Я попятилась, но он оказался быстрее. Его пальцы сомкнулись на моём локте. Жёстко. Без предупреждения.

– Пусти – выкрикнула я и начала вырываться. – Помогите! Сюда!

Голос сорвался. Я била его по руке, по плечу, куда попадала. Сердце колотилось, дыхание сбивалось.

Он лишь усмехнулся.

– Никто тебя не спасёт – сказал он ровно.

Самонадеянный ублюдок. Как же хотелось вцепиться в него, расцарапать, оставить следы. Чтобы хоть что-то в нём треснуло.

Вдруг всё произошло слишком быстро.

Он перехватил обе мои руки, резко развернул и впечатал меня в стену. Воздух вышибло из груди. Я ахнула от неожиданности, прижавшись спиной к холодной поверхности.

Он был слишком близко. Я чувствовала его дыхание. Его силу. Его присутствие давило.

Его взгляд скользнул вниз по моему телу, медленно, оценивающе, и от этого внутри всё вспыхнуло от отвращения и злости. Потом он снова посмотрел мне в глаза.

– Советую тебе больше не играть со мной, дорогая неве-

стушка – сказал он.

Во мне будто что-то взорвалось.

– Я тебе никакая не невеста – прошипела я сквозь зубы.
– Ты противный ублюдок!

Он был слишком рядом. И теперь я видела его отчётливо. Он изменился. Лицо стало жёстче. Черты грубее. Взрослее. Но в глазах было то же самое. Холод. Превосходство.

– Неужели? – он склонил голову набок с издёвкой. – В любом случае мне всё равно.

И вдруг он отпустил меня.

Я едва удержалась на ногах, прижав руки к груди, тяжело дыша.

– Давай быстрее оденься, мы уходим – бросил он, словно приказывал.

Я уставилась на него, не веря услышанному.

– Никуда я с вами не пойду – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

– Не беси меня, Миллисента – его голос стал ниже.

– Да хоть умру, но с тобой я не поеду – рявкнула я.

Он нахмурился. В его взгляде мелькнуло раздражение.

Меня резко дёрнули вверх, и в следующую секунду мир перевернулся.

Я оказалась у него на плече.

Голова закружилась, в ушах зашумело, полотенце сползло, и это окончательно сорвало мне крышу.

– Поставь меня! – заорала я, захлёбываясь слезами. –

Немедленно поставь меня на пол!

Я начала бить его спину, плечи, колотить кулаками куда попало. Ногами дёргалась, извивалась, будто это могло меня спасти.

– Ты охренел?! – кричала я. – Ты больной! Пусти меня!

Он шёл вперёд, будто не слышал. Будто я не весила ничего.

– Думаешь, я приехал сюда потому что захотел? – резко бросил он.

Я задохнулась от злости.

– Мне плевать! – рыдала я. – Мне плевать, зачем ты приехал! Я тебя видеть не хочу! Никогда!

– Закрой рот – рявкнул он. – И прекрати дёргаться.

– Не смей мне приказывать! – я почти сорвалась на визг.

– Ты мне никто! Слышишь?! Никто!

Он стиснул меня сильнее.

– Ты моя проблема теперь – сказал он грубо. – И хочешь ты этого или нет, мне придётся тебя забрать.

– Забрать?! – я захлебнулась смехом сквозь слёзы. – Ты не имеешь на это права! Это похищение!

– Назови как хочешь – отрезал он. – Мне всё равно.

Я снова начала биться, уже истерично, без сил, просто от ужаса.

– Я тебя ненавижу... – вырывалось у меня. – Я лучше умру, чем буду с тобой!

Он резко остановился.

– Не драматизируй – сказал он жёстко. – Ты думаешь, мне это доставляет удовольствие?

– Тогдапусти! – закричала я. – Если тебе не плевать, простопусти!

Он хмыкнул.

– Если бы всё было так просто, я бы сейчас был где угодно, только не здесь – сказал он. – Но наши отцы всё решили за нас.

Эти слова резанули сильнее всего.

– Я не твоя вещь! – кричала я. – Я не контракт! Я человек!

– Для них - нет – холодно ответил он. – И ты это знаешь.

Слёзы текли без остановки. Грудь сжимало так, что я едва могла дышать.

Я зарыдала ещё сильнее. Не от боли, а от бессилия.

Меня несли дальше. Моё тело дрожало. Голос сорвался. А внутри было только одно чувство.

Меня снова лишили права выбирать.

Как же унизительно я сейчас выгляжу.

Эта мысль билась в голове, как раненая птица, пока он нёс меня, перекинув через плечо, будто я не человек, а вещь. Полотенце держалось на честном слове, руки дрожали, горло жгло от сдержанных криков. Я чувствовала себя сломанной. Выставленной. Раздавленной.

Меня мутило от ненависти к нему. От одного его запаха, от тяжести его руки, от осознания, что это он.

Клинтон Форд.

Перед глазами вспышками вставали воспоминания, от которых хотелось выть. Его холодный взгляд в школе. Усмешки за спиной. Шёпот в коридорах. Как меня обсуждали. Как смеялись. Как я делала вид, что мне всё равно, а потом рыдала ночами, уткнувшись в подушку.

Из-за него я уехала. Бросила всё. Сбежала за тысячи километров, лишь бы больше никогда не видеть эти голубые глаза.

И вот он тащит меня, как трофей.

Я пришла в себя, когда почувствовала, что меня буквально впикивают в машину. Спина ударилась о сиденье. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным звуком. Он сел за руль сразу, без паузы, будто всё это для него было обычным делом.

Я дёрнула ручку двери. Раз. Второй. Третий.
Бесполезно.

– Прекрати психовать, – сказал он.

Слова прозвучали ровно, почти лениво. Это взбесило сильнее всего.

– Да пошёл ты! – выкрикнула я и с силой ударила ладонью по двери. – Ненавижу тебя!

Грудь ходила ходуном. Воздуха не хватало. Я повернулась к нему, вцепившись пальцами в край сиденья, будто это могло удержать меня на плаву.

– Эй, – сказала я, голос сорвался, но я заставила себя говорить. – Давай обговорим всё это.

Он мельком посмотрел на меня, не поворачивая головы полностью.

– Ты ведь тоже не хочешь на мне жениться, – сказала я, почти выпаливая слова. – Так давай ты поможешь мне сбегать. И по делам всё.

Он усмехнулся. Коротко. Ядовито.

– Тебе смешно? – спросила я истерично.

– Да, – ответил он.

Что-то во мне оборвалось.

– Подонок! Ненавижу! – закричала я и попыталась ударить его.

Он перехватил мою руку резко, крепко. Я дёрнулась, и в этот момент почувствовала, как полотенце предательски соскальзывает. Сердце ухнуло вниз. Я ахнула, вцепилась свободной рукой, судорожно прижимая ткань к себе.

Щёки вспыхнули. Всё тело будто обдало кипятком.

Я подняла на него глаза и увидела, куда направлен его взгляд. Это было как пощёчина.

– Не смотри, извращенец! – прошипела я, пытаюсь вырваться. – Пусти!

Он резко притянул меня к себе. Слишком близко. Так близко, что я чувствовала его дыхание. Наши лица разделяли считанные сантиметры.

– Не волнуйся, невестушка моя, – сказал он низко, грубо. – Твоё тело мне совсем не интересна. Даже если ты бы стояла передо мной полностью голой.

Слова впились в меня глубже, чем любые руки.

Я замерла. Унижение накрыло с головой.

Он отпустил мою руку. Резко. Будто я обжигала.

Я тут же отшатнулась к двери, вжалась в сиденье, прижимая полотенце к груди, словно это могло защитить меня. Кожа на запястье горела, там, где его пальцы только что сжимали меня. Но сильнее жгло внутри. Намного сильнее.

Одним предложением он снова растоптал меня. Словом. Интонацией.

Я отвернулась к окну. Смотреть на него больше не могла.

Слёзы катились сами. Беззвучно. Горячо. Я не вытирала их. Пусть. Мне уже нечего было терять.

Внутри что-то окончательно сломалось.

Я поняла что это всё. Попытка сбежать была тщетной. Эти три дня свободы. Всё было иллюзией. Красивая, короткая пауза перед приговором.

Вот и всё.

Всё кончено.

Я смотрела на дорогу мокрыми глазами, и думала только об одном.

Почему?

Почему он так цепляется за эту свадьбу?

Не поверю, что только из-за наших отцов. Он не из тех, кто делает что-то просто потому, что надо. У него есть мотив.

Иначе зачем ему жениться на мне?

На девушке, которую он когда-то унизил.

На той, от которой холодно отвернулся на глазах у всех.

На бывшей толстой, неловкой, влюблённой дурочке, над которой смеялись.

Зачем?

Машина замедлилась. Я узнала эту улицу ещё до того, как мы остановились. Сердце ухнуло вниз.

Мой дом.

Тот самый, где сейчас меня ждал отец. И я уже знала, что пощады не будет. Он уничтожит меня морально. Холодно. Методично. За побег. За неповиновение.

Машина остановилась.

Клинтон молча снял руки с руля. Затем начал расстёгивать пиджак. Я краем глаза наблюдала за его движениями. Раньше он всегда одевался просто. Спортивно.

А сейчас... костюм. Дорогой. Идеально сидящий.

Наследник. Будущий владелец империи. Конечно, ведь статус обязывает.

Он снял верх и без церемоний бросил его мне на колени.

– Надень это, – сказал он. – А то выглядишь как дешевая шлюха.

Слова вспыхнули во мне, как бензин от искры.

Я резко вдохнула. Хотела ответить. Хотела выплюнуть ему в лицо всё, что накопилось. Каждое проклятие. Каждый крик. Каждую слезу.

Но он уже открывал дверь со своей стороны.

Я не выдержала.

– Ненавижу тебя! – выкрикнула я ему в спину. Голос сорвался, но мне было плевать.

Он обошёл машину и распахнул мою дверь. Я несколько секунд сидела, и не двигалась.

– Мне тебя силой вытаскивать? – спросил он.

Я едва не рассмеялась от отчаяния.

Господи, какой же он конченный ублюдок. И как я могла когда-то... любить его?

– Сгинь, – выдохнула я.

Я сама выпрыгнула из машины. Резко. Почти демонстративно. Натянула пиджак на плечи, запахнула его, пряча себя, свою уязвимость, свою ярость.

Я сверкнула на него взглядом, полным ненависти, и пошла к дому. Проходя мимо, специально задела его плечом.

Внутри меня всё кричало.

Но снаружи я шла прямо. Гордо.

Даже если это дорога в ад.

Я поняла это ещё у порога.

Сбежать сейчас невозможно.

Даже если бы я рванула прямо отсюда, босиком, в этом чёртовом пиджаке поверх полотенца – он бы догнал. Поймал. Вернул. У него для этого слишком много власти, слишком много людей и слишком холодная уверенность, что я уже никуда не денусь.

Я замерла у двери.

Клинтон подошёл ближе. Я чувствовала его за спиной – давление, присутствие, чужое тепло, от которого хотелось содрать с себя кожу. Он даже не смотрел на меня. Просто протянул руку и нажал на звонок. Спокойно. Буднично. Как будто привёл домой потерявшуюся вещь.

Звонок разрезал тишину.

Через минуту дверь открылась.

– Милли! – лицо мамы мгновенно оживилось, глаза загорелись облегчением. Она шагнула ко мне, уже поднимая руки, чтобы обнять.

Я отступила назад.

Резко. Инстинктивно.

Мне не хотелось чувствовать её запах. Её руки. Её заботу. Всё это теперь казалось фальшью.

Мамино лицо тут же потухло. Улыбка дрогнула и медленно исчезла.

– Здравствуйте, миссис Бекер, – вежливо сказал Клинтон.

– Здравствуй, – ответила мама после паузы. – Проходите... пожалуйста.

Он кивнул.

Я демонстративно не смотрела на маму. Назло. Чтобы она поняла. Чтобы ей стало больно. Хоть немного так же, как мне.

Мы вошли в дом. И из кабинета вышел отец.

Его лицо сразу застыло. Холодное. Каменное. Такое, от которого внутри всё сжималось. Я знала этот взгляд. Он не

предвещал ничего хорошего.

Я остановилась напротив него.

Он не подошёл. Не спросил. Не обнял.

Просто посмотрел. Презрительно. Сверху вниз. Будто я не дочь, а грязь, прилипшая к подошве.

– Мистер Бекер, ваша дочь нашлась, – сказал Форд ровно.

Я не смотрела на отца. Мне было физически тошно.

Он продал моё счастье. Обменял мою жизнь на выгодную сделку. И даже сейчас не считал нужным притворяться, что ему жаль.

– Спасибо большое, – ответил отец. – И прости, что тебе пришлось потревожиться из-за неё.

Я чувствовала его взгляд кожей. Тяжёлый. Давящий. Как приговор.

– Ну что вы, – усмехнулся Клинтон. – Как-никак она моя будущая жена.

Он повернулся ко мне.

– И, по крайней мере, надеюсь, теперь она никуда не убежит.

Меня затошнило.

От его голоса. От этого притворного спокойствия. От того, как легко он произносил эти слова.

– Поверь, – холодно сказал отец, – она теперь и шага не ступит за пределы этого дома.

Вот так. Моя свобода закончилась официально.

– Тогда я пойду, – сказал Клинтон. – Увидимся на помолв-

ке, Миллисента.

Я стиснула зубы.

Мне хотелось броситься на него. Расцарапать лицо. За-
кричать. Но я стояла молча.

Они с отцом попрощались.

Мама вышла проводить его.

Дверь закрылась.

И мы остались одни.

Отец медленно повернулся ко мне.

– В мой кабинет, – приказал он.

Я прикусила нижнюю губу так сильно, что почувствовала
вкус крови.

Мне хотелось высказать ему всё. Каждое слово. Каждое
обвинение. Но я знала что сейчас нельзя. Он только этого и
ждал.

Я молча развернулась и пошла.

Каждый шаг отдавался внутри гулкой пустотой.

Глава-5. Под замком.

«И жили они долго и счастливо» – прочитав это, я лишь усмехнулась.

Без радости. Без тепла. Скорее с усталой иронией. Я закрыла книгу и вышвырнула её на пол, даже не взглянув, как она упала. У всех обязательно счастливый конец. А у меня?

Я закрыла глаза и глубоко выдохнула. В комнате было душно, воздух казался тяжёлым, будто он тоже знал, что выхода отсюда нет. Уже две недели я живу здесь, как в клетке. Это не образное выражение. Дверь моей комнаты заперта на ключ постоянно. Днём и ночью. Без исключений.

О побеге можно забыть. Шанса нет вовсе. Дом, в котором я выросла, превратился в тюрьму. Каждый коридор, каждая дверь теперь казались чужими и враждебными.

В тот день, когда сукин сын Клинтон Форд нашёл меня и привёз обратно, отец показал, что значит его власть. Я до сих пор помню его взгляд. Презрительный. Холодный. Будто я не дочь, а позор, который нужно спрятать. И его тон в кабинете. Ровный, без крика, без эмоций. Именно это было страшнее всего.

В тот момент моё уважение к отцу выгорело дотла. Не осталось ничего. Кроме ненависти. Хорошие отцы так не поступают со своими детьми. Хорошие отцы не запирают, не ломают, не продают будущее собственной дочери ради вы-

годных договоров. Он бессердечный человек. И я наконец позволила себе признать это.

Наверное, это плата за то, что у меня было всё. Деньги. Учёба. Комфорт. Крыша над головой. Мне дали слишком много, чтобы потом отнять самое важное. Свободу.

Даже убежище не смогло меня скрыть. А ведь уверяли, что там безопасно. Что оттуда никого не находят. Для таких, как Клинтон Форд, не существует закрытых мест. Есть только нужные люди и правильные суммы.

Мама приходит ко мне только тогда, когда приносит еду. Тихо, почти на цыпочках. В первые дни я устроила голодовку. Делала это назло. Упрямо. Зло. Она плакала и умоляла меня съесть хотя бы кусочек. Я видела, как ей больно смотреть, как её дочь медленно ломает себя. Моё сердце дрогнуло. Но я не простила.

Она могла меня предупредить. Могла сказать правду, пока я ещё была далеко. Могла спасти меня. Но не сделала этого. Она боится отца. Для неё его слово закон. Даже если этот закон разрушает жизнь собственного ребёнка.

Теперь мне остаётся только ждать. Ждать помолвку. Ждать свадьбу. Ждать, когда мою судьбу окончательно решат без меня. Я лежу на кровати и смотрю в потолок, понимая одно. Если это и есть «долго и счастливо», то я даже боюсь представить, как выглядит конец.

Я так и лежала, глядя в потолок, прокручивая одни и те же мысли по кругу, когда вдруг услышала за дверью тихий,

нерешительный голос.

– Милли?..

Я вздрогнула. Сердце болезненно сжалось.

Это была Джоди.

Я медленно поднялась с кровати и подошла к двери. Провела ладонью по холодному дереву, будто могла почувствовать её по ту сторону.

– Я здесь, – отозвалась я. – Что случилось?

– Я просто... – она замялась. – Хотела спросить, как ты.

Я на секунду закрыла глаза. Конечно, она чувствует. Конечно, знает. Но Джоди слишком маленькая, чтобы тащить на себе мой ад.

– Со мной всё хорошо, – сказала я ровно. – Правда. Не переживай.

За дверью повисла тишина. Потом я услышала, как она шумно вдохнула.

– Не нужно так говорить, – тихо сказала Джоди. – Не ради меня. Я же знаю, что тебе ужасно.

Я сжала пальцы в кулак.

– Нет, нет, – поспешно ответила я. – Я правду говорю. Со мной всё нормально. Просто... мне нужно время.

– Ты врёшь, – прошептала она.

И вдруг я услышала всхлип.

Сердце оборвалось.

– Джоди... – мой голос сразу стал мягче. – Эй, не надо. Пожалуйста, не плачь.

Я прижалась лбом к двери, будто это могло сократить расстояние между нами.

– Я не хочу, чтобы ты из-за меня расстраивалась. Слышишь? У тебя всё должно быть хорошо.

– Это несправедливо, – выдохнула она сквозь слёзы. – Ты здесь заперта, а я ничего не могу сделать. Я бы всё отдала, чтобы вытащить тебя отсюда.

Я невольно усмехнулась. Слабо. Горько.

– Малышка... – сказала я. – Это не так просто.

– Но должен же быть выход, – упрямо сказала она. – Я что-нибудь придумаю. Обязательно.

– Нет, – тихо ответила я. – Не получится.

– Почему? – её голос дрогнул ещё сильнее.

– Потому что это не клетка с замком, – сказала я после паузы. – Это клетка из людей. Из решений. Из денег. От неё не убегают.

– Я ненавижу его, – вдруг выпалила Джоди. – И папу тоже. И этого... Форда.

Я вздрогнула.

– Джоди, – строго сказала я. – Не говори так. Пожалуйста.

– Но это из-за них тебе больно, – упрямо ответила она. – Я же вижу.

Я закрыла глаза. Слёзы подступили к горлу, но я заставила себя говорить спокойно.

– Послушай меня, – сказала я. – Самое важное сейчас, чтобы ты не вмешивалась. Обещай мне.

– Но я не хочу быть просто зрителем, – прошептала она.
– Ты моя сестра.

– Именно поэтому, – ответила я. – Я не хочу, чтобы тебя втянули в это. Они не пощадят никого.

За дверью снова стало тихо. Потом я услышала, как она шмыгнула носом.

– Я люблю тебя, – сказала она едва слышно.

Грудь сжало так, что стало больно дышать.

– И я тебя люблю, – ответила я. – Больше всего на свете.
Поэтому будь сильной. За нас двоих.

Мы ещё стояли по разные стороны двери, когда я вдруг услышала, как Джоди резко втянула воздух.

– Папа...? – её голос дрогнул.

У меня внутри всё сжалось.

Следом раздался холодный, приказной тон отца, от которого у меня до сих пор сводило плечи.

– В свою комнату.

Повисла короткая пауза.

– Хорошо, – тихо ответила Джоди.

Я представила, как она опускает голову, как сжимает пальцы, как послушно отступает. Шаги удалялись по коридору, становились всё тише, пока не исчезли совсем. Мне стало пусто. Будто у меня только что забрали единственное тёплое, что ещё оставалось.

И тогда я услышала щелчок.

Замок начал поворачиваться.

Я инстинктивно отошла назад, сделала несколько шагов, словно расстояние могло защитить. Сердце колотилось глухо и тяжело. Дверь распахнулась.

На пороге стоял отец.

Я посмотрела на него без эмоций. Без страха. Без злости. Только пустота. Наверное, именно это его задело сильнее всего.

– Как ты? – спросил он.

Его голос был спокойным, почти мягким. Это звучало фальшиво.

– Превосходно, – ответила я с ядом. – Просто лучше не бывает.

Он чуть нахмурился, но быстро взял себя в руки.

– Я знаю, – сказал он. – Ты зла на меня.

Я отвернулась. Мне не хотелось слышать ни слова. Ни оправданий. Ни объяснений. Всё это было поздно.

– Милли, – продолжил он, делая шаг вперёд. – Мне самому противно от себя. От всей этой ситуации.

Я усмехнулась. Коротко и горько.

– Правда? – спросила я. – Как трогательно.

Он вздохнул, будто эти слова действительно давались ему с трудом.

– Я знаю, что я не хороший отец, – сказал он. – Я это понимаю.

– Осознание пришло вовремя, – холодно ответила я. – Мне от этого легче не стало.

Он замолчал. Несколько секунд просто смотрел на меня, словно пытался найти во мне ту девочку, которая когда-то верила ему. Но той девочки больше не было.

– Ты должна понять, – наконец сказал он. – Это необходимость. Для семьи. Для будущего.

– Моего будущего? – я подняла на него взгляд. – Или твоего бизнеса?

Он не ответил.

И это было самым честным ответом.

– Послезавтра будет помолвка, – произнёс он, будто говорил о погоде.

Я сжала руки так сильно, что ногти впились в ладони. В груди поднялась волна, но я её проглотила. Он уже всё решил.

Я молчала.

Он ещё немного постоял, разглядывая меня, будто запоминал. Потом развернулся и пошёл к двери.

– Отдохни, – бросил он через плечо.

Дверь закрылась.

Щелчок замка прозвучал особенно громко.

Я осталась одна. Запертая. С мыслями, которые не давали дышать. С пониманием, что времени почти не осталось. И с ощущением, что эта клетка становится всё теснее.

Я открыла глаза от тихого скрипа двери.

Сначала даже не поняла, где нахожусь, но ощущение за-

пертости накрыло мгновенно, стоило мне пошевелиться.

– Милли, – мягко сказала мама. – Просыпайся.

Я резко распахнула глаза и встретила её взглядом. Усталые глаза. Тень под ними. Виноватые. Осторожные, будто она боится лишним словом сделать мне больно.

Ах да.

Сегодня же день помолвки.

Эта мысль ударила почти физически. В груди что-то сжалось, а потом стало пусто. Ни истерики, ни паники. Только холод.

Я медленно приподнялась на локтях и оглядела комнату, будто видела её впервые. Мама стояла у кровати, сжимая руки перед собой. Она выглядела так, словно всю ночь не спала.

– Уже утро? – спросила я глухо.

– Да, – кивнула она. – Тебе нужно вставать. Скоро приедут люди. Визажист, стилист...

Я коротко усмехнулась и села.

– Ну конечно, – сказала я с ядом. – Нельзя же выходить к людям в неподобающем виде. Репутация превыше всего, да?

Мама вздрогнула.

– Милли, пожалуйста...

Я поднялась с кровати и посмотрела на неё в упор.

– Так что, – продолжила я, – наконец-то я могу выйти из комнаты? Или мне всё ещё положено сидеть взаперти, пока меня не выведут, как на показ?

Она опустила глаза.

– Прости, – тихо сказала мама. – Я не хотела, чтобы всё было так.

– Но так получилось, – перебила я. – Очень удобно. Ты не хотела, папа решил, а расплачиваюсь я.

Она сделала шаг ко мне.

– Ты должна понять...

– Нет, – резко сказала я. – Я больше ничего не должна понимать.

Я отвернулась, подошла к окну и уставилась на улицу. Солнце светило так же, как всегда.

– Ты ведь знаешь, – продолжала мама за моей спиной, – я всегда хотела для тебя счастья.

Я медленно повернулась.

– Тогда почему ты позволила этому случиться? – спросила я спокойно. – Почему не предупредила меня? Почему не сказала правду, когда ещё можно было что-то изменить?

Она молчала.

– Ты боялась, – сказала я вместо неё. – Боялась папу. Как всегда.

– Это не так просто, Милли, – её голос дрогнул. – Ты не знаешь, сколько всего на кону.

– Я знаю только одно, – ответила я. – На кону была я. И ты меня проиграла.

Мама сжала губы, будто сдерживая слёзы.

– Я прошу тебя, – сказала она, – хотя бы сегодня... не

делай всё ещё хуже.

– Хуже? – я усмехнулась. – Мам, хуже уже некуда.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Мы смотрели друг на друга, будто между нами выросла стена, которую уже не разрушить.

– Иди, – сказала я наконец. – Делай, что тебе нужно. Готовь праздник. Гостей. Улыбки. А я... я просто выполню свою роль.

Она ещё несколько секунд стояла, будто хотела что-то сказать, потом тихо вышла, оставив дверь открытой.

Я осталась одна.

Не запертая физически.

Но гораздо глубже – внутри.

Сегодня меня выведут из этой комнаты.

Но свободы мне это не принесёт.

Глава-6. Сквозь холод его глаз.

«И жили они долго, и счастливо» – опять и опять прокручивала эти слова в своей голове.

Они звучали как насмешка. Как издёвка, специально предназначенная для меня. Словно кто-то шептал их прямо в ухо, проверяя, насколько сильно я ещё способна верить в сказки.

Я сидела перед зеркалом и смотрела на своё отражение. Девушка напротив меня была красивой. Аккуратные черты лица. Чистая кожа. Волосы, которые сейчас укладывали в идеальные волны. Платье, аккуратно разложенное на кровати, ожидало своего часа. Всё выглядело правильно. Торжественно.

Кроме глаз.

В них не было ничего. Ни радости. Ни волнения. Ни ожидания. Только пустота.

Вокруг меня суетились люди. Одна женщина осторожно наносила макияж, наклоняясь ближе, чтобы выровнять тон. Другая возилась с моими волосами, перебирая пряди, закрепляя их шпильками. Они говорили тихо, профессионально, обсуждали оттенки, форму, свет. Для них это был просто очередной день.

А для меня – приговор.

Я сидела неподвижно, позволяя им делать со мной всё,

что нужно. Без сопротивления. Без участия. Как кукла, которую готовят к витрине.

Интересно, что сейчас делает мой будущий жених?

Эта мысль внезапно прорезала тишину внутри меня.

Не думаю, что он там пархает от счастья. Не представляю его улыбающимся, восторженным, предвкушающим.

Скорее всего, он спокоен. Холоден. Собран. Возможно, примеряет костюм, поправляет манжеты, принимает поздравления. И ни одной лишней эмоции.

Что у него вообще на уме?

Он хочет жениться на девушке, от которой его якобы тошнит.

Зачем? Ради договора? Ради бизнеса? Ради отцовской воли?

Тут точно есть подвох.

Я смотрела на своё отражение внимательнее, словно пыталась найти ответ в собственном лице. Может, дело во мне? Может, я изменилась настолько, что теперь это имеет значение?

Та самая стокилограммовая Миллисента больше не существует. Та неловкая, задыхающаяся от комплексов девочка, которая смотрела на него с обожанием, исчезла. Я изменилась. Телом. Лицом. Я стала другой. Сильнее. Жёстче. Красивее, если уж говорить честно.

Но я не настолько наивна, чтобы думать, будто это и стало причиной.

Если бы его интересовало только это, он бы не смотрел на меня так. Не говорил бы со мной так. В его глазах не было восхищения. Там было что-то другое. Что-то расчётливое.

Я сжала пальцы на коленях, пока визажист осторожно приподнимала мой подбородок.

– Не двигайтесь, пожалуйста, – мягко сказала она.

Я кивнула, возвращаясь в реальность.

Счастливый конец.

Интересно, может быть, сказки просто забывают рассказывать, сколько боли было до этой фразы? Или, может, «долго и счастливо» – это всего лишь красивая обёртка для чужих решений?

Я смотрела на девушку в зеркале и пыталась понять, кто она теперь. Жертва? Игрок? Пешка? Или кто-то, кто ещё способен перевернуть игру?

Дверь тихо открылась, и я увидела маму в отражении зеркала.

– Вы ещё не закончили? – услышала я голос мамы. – Банкет вот-вот начнётся.

Я сидела перед зеркалом, выпрямив спину, будто меня держали невидимые нити. За моей спиной стояла женщина и аккуратно фиксировала причёску, перебирая пряди. Другая наносила последние штрихи макияжа, слегка поворачивая моё лицо к свету. В отражении я видела их сосредоточенные лица.

А чуть в стороне, на диване, лежало платье. Розовое. Иде-

ально расправленное. Оно будто ждало своего часа, молча напоминая, что времени почти не осталось.

– Почти закончили, – ответила одна из девушек. – Остались мелочи.

Мама вошла глубже в комнату и остановилась позади меня. Я видела её отражение. Она смотрела на меня так, словно пыталась найти хоть что-то прежнее в моих глазах.

– Ты очень красивая, – тихо сказала она.

Я не ответила. Не повернулась. Даже не изменила выражение лица.

Красота сейчас казалась издевательством.

Мама подошла ближе. Я почувствовала, как её рука осторожно коснулась моего плеча, потом медленно опустилась к ладони. Лёгкое прикосновение. Почти просьба.

Я отдёрнула руку.

В отражении я увидела, как её лицо дрогнуло.

– Милли... – произнесла она.

– Не нужно, – сказала я спокойно, но холодно. – Пожалуйста.

В комнате стало неловко тихо. Девушки обменялись быстрыми взглядами и ускорили работу.

– Всё, – наконец сказала визажистка. – Мы закончили.

Я медленно поднялась со стула, продолжая смотреть на своё отражение. Девушка в зеркале выглядела безупречно. Аккуратный макияж подчёркивал черты лица. Волосы уложены идеально. Ни одного изъяна.

Кроме взгляда.

Я повернулась к маме.

– Выйди, – сказала я ровно. – Мне нужно переодеться.

Она стояла неподвижно несколько секунд, в её глазах читалась боль, но спорить она не стала.

– Хорошо, – тихо ответила она.

Девушки вышли первыми. Мама задержалась на мгновение у двери, будто хотела что-то сказать, но слова так и не прозвучали. Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Медленно подошла к дивану и посмотрела на платье. Провела пальцами по гладкой ткани.

Сегодня меня красиво упакуют и выведут к людям.

И никто не спросит, хочу ли я этого.

Я ещё несколько секунд стояла, глядя на платье, будто надеялась, что оно исчезнет само по себе.

Тяжело вздохнула.

Пальцы медленно потянулись к молнии на спине. Я сняла с себя домашнюю одежду, чувствуя, как ткань скользит по коже.

Я взяла розовое платье с дивана. Оно было лёгким, почти невесомым, с мягким блеском ткани, которая переливалась в свете ламп. Цвет нежный. Почти романтичный. Иронично.

Аккуратно надела его через голову, поправила по фигуре, провела ладонями по талии, разглаживая складки. Молния тихо закрылась. Ткань обняла тело идеально. Всё сидело

безупречно. Никаких лишних линий. Никаких изъянов.

Я подошла к зеркалу.

В отражении стояла девушка, которую готовили к красивой жизни. Причёска аккуратно уложена. Макияж подчёркивает скулы и глаза. Платье подчёркивает фигуру. Всё продумано до мелочей.

Идеально.

Как они и хотели.

Я смотрела на себя долго. Слишком долго. Пытаясь найти хоть намёк на ту Миллисенту, которая ещё умела мечтать.

Стук в дверь раздался неожиданно.

Я закрыла глаза. Сделала медленный вдох. Затем выдох.

– Милли? – услышала голос мамы.

Я открыла глаза и посмотрела на своё отражение в последний раз, прежде чем повернуться к двери.

Нехотя подошла и открыла её.

Мама замерла на пороге. Её взгляд скользнул по мне сверху вниз. В её глазах что-то блеснуло. Кажется, она вот-вот расплачется. Губы приоткрылись, будто она хотела что-то сказать. Извиниться. Попросить. Остановить всё это.

Но она промолчала.

– Идём, – сказала она тихо.

Я кивнула.

Мы спустились по лестнице молча. Каждый шаг отдавался внутри тяжёлым эхом. Дом казался чужим.

Когда входная дверь открылась, я на секунду замерла.

Свежий воздух ударил в лицо. После двух недель в заперти это ощущение показалось почти непривычным. Небо было ясным. Солнце ярким.

Я стиснула зубы.

Это не свобода. Это просто смена клетки.

Мы подошли к машине. Водитель уже стоял рядом и открыл заднюю дверь. Я села внутрь, мама устроилась рядом. Дверь закрылась мягко, глухо, словно отрезая путь назад.

Машина тронулась.

Я смотрела в окно, наблюдая, как улицы проплывают мимо.

– Где Джоди? – спросила я внезапно, не отрывая взгляда от стекла. – Я её не видела сегодня.

Мама на секунду замялась.

– Папа забрал её с собой, – ответила она. – Они уже в ресторане. Ждут нас.

Я кивнула.

Торжество проходит в одном из лучших ресторанов города. Мама говорила об этом с каким-то странным напряжением в голосе. Место, куда попадают только высшие люди. Те, чьи фамилии открывают любые двери. Те, чьи деньги решают всё.

Чему удивляться.

Будущий наследник империи не станет проводить помолвку в скромном зале. Всё должно быть масштабно. Дорого. Безупречно.

Плевать я хотела на место.

Хоть дворец, хоть золотой зал, хоть стеклянная башня.
Это не изменит сути.

Я сидела, сжимая руки на коленях.

Машина замедлилась.

Я подняла взгляд.

Перед нами возвышалось здание ресторана. Огромные
стеклянные фасады, сияющие огни, идеально ухоженный
вход.

Машина остановилась прямо перед главным входом.

Водитель вышел первым и открыл дверь. Я медленно вы-
шла, чувствуя, как каблуки касаются асфальта. Снаружи уже
стояли люди. Кто-то разговаривал, кто-то смеялся. Свет от
фасада здания отражался в стекле машин.

Мама мягко взяла меня под локоть.

Так хочется развернуться и побежать.

Просто бежать. Не оглядываться.

Но за нашими спинами я сразу заметила двух круп-
ных мужчин в строгих костюмах. Они шли на расстоянии
нескольких шагов.

Попытка сбежать выглядела бы жалко. Смешно. И закон-
чилась бы через десять секунд.

Мы направились к огромной лестнице, ведущей ко входу.
Ступени казались бесконечными. Каблуки глухо стучали по
мрамору. Каждый шаг как отсчёт.

Люди у входа расступались. Кто-то смотрел с интересом.

Кто-то с одобрением. Кто-то просто оценивал.

Я держала голову прямо.

Мы вошли внутрь. Просторный холл сиял светом. Высокие потолки. Огромные люстры. Пол блестел так, что в нём отражались огни.

Мама вела меня по длинному коридору, вдоль стен с картинами и зеркалами в позолоченных рамах. Мы остановились у двери в конце.

– До начала торжества ты посидишь здесь, – тихо сказала она.

Дверь открылась.

Я шагнула внутрь и сразу увидела её.

– Милли!

Джоди.

Она сорвалась с места и побежала ко мне. Я даже не успела ничего сказать, как её руки обвились вокруг меня. Мы обнялись так крепко, что воздух вышел из лёгких. Будто боялись, что если отпустим, снова разделят стены и замки.

За эти две недели мы разговаривали только через дверь. Слышали дыхание. Слышали голоса. Но не видели друг друга.

И вот она здесь.

Живая. Тёплая. Родная.

Я прижала её к себе сильнее, чувствуя, как в груди что-то ломается.

– Ты не представляешь, как мне тебя не хватало, – про-

шептала она.

Я закрыла глаза на секунду.

Потом она отстранилась и оглядела меня с головы до ног. В её глазах зажёгся искренний восторг.

– Боже... Ты просто... шикарна!

Я слабо улыбнулась. Не так, как раньше. Но всё же.

– Иди сюда, – тихо сказала я и снова обняла её.

Мама стояла чуть поодаль и наблюдала за нами. Её лицо было мягким, но в глазах читалась усталость и тревога.

Вдруг дверь резко распахнулась.

Отец.

Он вошёл уверенно, как всегда. Его взгляд сразу остановился на мне. Медленно, холодно, он осмотрел меня с ног до головы. Платье. Причёску. Макияж.

И одобрительно кивнул.

Кому вообще нужно его одобрение?

Ненавижу.

– Сейчас через пять минут вы с мамой спуститесь, – сказал он ровным, приказным тоном. – А мы пойдём первыми.

Я даже не кивнула. Просто стояла, не отводя взгляда.

Он перевёл взгляд на Джоди.

– Джоди.

В его голосе не было просьбы. Только распоряжение.

Джоди посмотрела на меня. В её глазах мелькнула тревога. Потом она чуть улыбнулась – поддерживающе. Как будто хотела сказать: держись.

И пошла к нему.

Отец развернулся и вышел. А Джоди за ним.

Дверь закрылась.

В комнате снова стало тихо.

Я почувствовала, как внутри поднимается тяжёлое, вязкое ощущение. Пять минут.

Пять минут до того, как меня выведут к толпе.

Пять минут до начала красивой лжи.

Мама осталась в комнате. Она стояла чуть в стороне, не приближаясь, словно боялась снова натолкнуться на моё холодное отстранение. Я чувствовала её взгляд на себе, но не поворачивалась.

Я подошла к зеркалу, хотя уже видела своё отражение сотни раз за этот вечер. Пальцы слегка коснулись серёжек, поправили невидимую складку на талии. Всё идеально. Ни единой трещины.

Кроме меня самой.

За дверью слышались приглушённые голоса, шаги, отдалённая музыка. Торжество начиналось. Смех гостей. Бокалы. Свет. Всё как положено для союза двух влиятельных семей.

– Милли... – тихо позвала мама.

Я медленно перевела на неё взгляд.

– Что?

Она подошла ближе, но не касалась меня.

– Если ты хочешь что-то сказать... если тебе тяжело...

Я усмехнулась. Горько.

– Хочешь, чтобы я расплакалась? Устроила сцену? – спокойно спросила я. – Уже поздно.

Она опустила глаза.

– Я не враг тебе.

– Нет? – я смотрела на неё пристально. – Тогда почему я чувствую себя проданной?

Слова повисли в воздухе.

Мама побледнела, но спорить не стала. В её глазах блеснули слёзы, которые она упрямо сдержала.

– Иногда жизнь... – начала она.

– Не надо, – перебила я. – Не сегодня.

В коридоре раздался лёгкий стук.

– Пора, – слышался мужской голос.

Мама глубоко вдохнула.

– Идём.

Я расправила плечи. Спина прямая. Подбородок выше. Если уж играть роль, то до конца.

Мы вышли в коридор. Двое тех самых мужчин снова шли позади. Молча. Как тени.

Шаги отдавались гулко. Музыка становилась громче с каждым метром. Свет ярче. Голоса отчётливее.

Перед дверями в основной зал мама на секунду остановилась.

– Что бы ни случилось, ты моя дочь, – тихо сказала она.

Я ничего не ответила.

Мы сделали первый шаг в зал, и шум словно надломился.

Разговоры стихли не сразу, а волной - от дальних столов к центру, от центра к входу. Взгляды, десятки, может сотни, медленно повернулись в нашу сторону. Кто-то оценивающе прищурился. Кто-то улыбнулся. Кто-то шепнул соседу что-то на ухо.

Но меня они не волновали.

Я даже не пыталась ловить эти лица.

Потому что увидела его.

Клинтон Форд.

Он стоял чуть впереди, в свободном пространстве между столами, будто всё вокруг подчинялось его присутствию. Одна рука небрежно просунута в карман брюк. Вторая свободно опущена вдоль тела. Плечи расслаблены, но в этой расслабленности было больше силы, чем в любой показной напряжённости.

На нём была чёрная рубашка. Без пиджака. Ткань плотно облегла плечи и грудь, подчёркивая широкую линию фигуры. Рукава закатаны ровно настолько, чтобы обнажить запястья. Чёрные брюки сидели идеально, без единой складки.

Наши взгляды встретились.

И я перестала дышать.

Это не было мягким, неловким столкновением глаз. Это был удар. Резкий. Точный.

Его глаза - холодные. Тёмные. Опасные. В них не было ни смущения, ни радости, ни романтики. Ни намёка на волне-

ние. Только сосредоточенность. И что-то ещё. Что-то тяжёлое. Глубокое.

Он не улыбнулся.

Даже уголком губ.

Просто смотрел.

Медленно, почти незаметно, его взгляд скользнул по мне. С головы до ног. Не торопясь. Как будто фиксировал каждую деталь. Причёску. Линию шеи. Плечи. Талию. Платье.

И снова вернулся к моим глазам.

Я чувствовала, как воздух застрял в груди. Сердце ударило слишком громко. Непозволительно громко.

В его взгляде не было восхищения. Но и безразличия тоже не было.

Это было что-то другое.

Словно он пытался понять. Сравнить. Сопоставить.

Будто в его памяти всё ещё жила прежняя версия меня, и он сейчас искал в этой девушке перед собой ту самую Миллисенту.

Глава-7. Красиво связаны.

Мы зашагали по центру зала к сцене.

Ковровая дорожка тянулась вперёд, словно красная линия судьбы, по которой нельзя свернуть. Каблуки мягко утопали в ворсе, шаги были плавными, отточенными. По обе стороны стояли столы, гости, вспышки камер, бокалы с игристым. Я чувствовала их взгляды на коже, как лёгкие, липкие прикосновения.

– Улыбайся, – едва слышно прошептала мама, наклонившись ко мне.

Я даже не посмотрела на неё. Мои губы остались неподвижными.

Сцена приближалась. А вместе с ней - они.

Два отца.

Два человека, которые решили, что их дети - это выгодный контракт.

Отец стоял с привычной холодной прямоотой. Подбородок приподнят, взгляд твёрдый. Рядом с ним мистер Генри Форд. Спокойный, уверенный, с той самой улыбкой человека, который привык выигрывать.

И Клинтон.

Он стоял чуть в стороне, но при этом центр притяжения был именно он. Чёрная рубашка подчёркивала линию плеч, которые стали шире, чем я помнила. В школе он был высо-

ким, да. Но сейчас в нём появилась тяжесть. Мужская. Уверенная.

Я поднялась по ступеням сцены. И остановилась рядом с ним.

Он посмотрел на меня сверху вниз. Медленно. Не торопясь.

Мы замерли.

Несколько секунд. Может больше. Время вдруг растянулось, стало вязким.

Мы буквально пожирали друг друга взглядами.

Я ненавидела себя за то, что замечала детали. Как тень от ресниц ложится на его скулы. Как чётко очерчена линия челюсти. Как ткань рубашки натягивается на груди при вдохе.

Клинтон был до тошноты красив.

Сколько бы я ни пыталась отрицать.

Он возмужал. Исчезла школьная угловатость. Взгляд стал глубже. Жёстче. Плечи шире. Движения спокойнее. В нём появилась хищная уверенность.

Чёрт бы его побрал.

Его глаза встретились с моими снова. Холодные. Почти тёмные. В них не было тепла. Но было что-то другое. Контроль. И лёгкая, едва заметная тень интереса.

Он чуть склонил голову.

– Не дрожи, – произнёс он почти беззвучно, одними губами.

Я даже не поняла, что мои пальцы сжались в кулаки.

– Я не дрожу, – так же тихо ответила я.

Он едва заметно усмехнулся.

И в этот момент вперёд шагнул его отец.

– Дамы и господа, – начал Генри Форд, и его голос легко разнёсся по залу, – благодарю каждого из вас за то, что вы поделили с нами этот особенный вечер.

В зале воцарилась тишина.

– Сегодня великий день. День, когда два сильных рода соединятся. Когда две фамилии, чьи имена известны далеко за пределами этого города, становятся одной семьёй.

Я стояла неподвижно.

– В мире, где враги хотят нас снести с пути, – продолжал он, – мы не падаем. Мы поднимаемся. Выше. Сильнее. Сплочённое.

Аплодисменты.

Кто-то поднял бокал.

– Этот союз - не просто помолвка. Это шаг к будущему. К стабильности. К власти, которая строится не на слабости, а на единстве.

Я почувствовала, как слова давят на грудь.

Не любовь. Не счастье. Не выбор.

Стабильность. Власть. Союз.

Я украдкой посмотрела на Клинтона. Он слушал речь отца спокойно. Без улыбки. Без лишних эмоций. Но когда аплодисменты стихли, его взгляд снова нашёл меня.

И в этот раз в нём мелькнуло что-то почти опасное.

Как будто он тоже понимал.

Мы не просто стоим на сцене.

Мы - заявление.

Мы - демонстрация силы.

И мы оба пешки в игре, которую начали задолго до нашего согласия.

Я подняла подбородок.

Если это сценая буду стоять на ней достойно. Даже если внутри всё горит.

Аплодисменты ещё не стихли, когда к нам приблизился помощник с двумя бархатными коробочками. Без пафоса. Без романтики. Всё отрепетировано.

Генри Форд произнёс что-то о символе союза, о новом этапе, о прочности намерений. Слова лились гладко, как отполированный мрамор под нашими ногами.

Я почти не слушала.

Клинтон шагнул ближе. Теперь расстояния между нами не осталось. Я чувствовала его дыхание. Сдержанное и ровное. Он не смотрел на зал. Только на меня.

Помощник открыл первую коробочку. Кольцо блеснуло холодным светом.

Он взял его. Спокойно. Без дрожи. Его пальцы были уверенными, как у человека, который привык принимать решения и не сомневаться.

Я протянула руку.

Медленно.

Не потому что хотела растянуть момент. А потому что каждая клетка внутри сопротивлялась.

В зале стояла напряжённая тишина. Люди наблюдали. Ждали красивой сцены. Лёгкой улыбки. Трепета.

Но этого не было.

Клинтон на секунду задержал взгляд на моих пальцах. Потом аккуратно, без лишних движений, надел кольцо на безымянный палец. Холодный металл коснулся кожи.

Он скользнул до основания пальца и остановился.

В этот момент зал разразился аплодисментами.

Я не смотрела на гостей. Я смотрела на кольцо.

Вот и всё.

Теперь в глазах общества я принадлежу ему.

Помощник открыл вторую коробочку.

Теперь моя очередь.

Я взяла кольцо. И впервые за весь вечер почувствовала, как внутри что-то резко сжалось.

Его рука протянулась ко мне. Большая. Тёплая. Сильная.

Я подняла взгляд.

Его глаза были такими же холодными. Но в них читалась внимательность. Он наблюдал. За мной. За каждым движением.

Я стиснула зубы.

Пальцы сжали кольцо чуть сильнее, чем нужно. И медленно, почти механически, надела его на его палец.

Металл скользнул по коже.

Он не отвёл взгляд. Ни на секунду.

Когда кольцо оказалось на месте, его пальцы вдруг сомкнулись вокруг моей руки.

Крепко. Не болезненно.

Но так, что я поняла - это не случайное прикосновение.

Аплодисменты усилились. Кто-то поднялся со своего места. Вспышки камер ослепляли.

Он наклонился ближе.

– Не делай из этого трагедию, – произнёс он тихо, так, чтобы никто кроме меня не услышал.

Я посмотрела на него в упор.

– А во что мне это делать? В сказку?

Его губы едва заметно дёрнулись.

– Ты слишком драматизируешь.

– А ты слишком спокоен.

На секунду его взгляд стал жёстче.

– Потому что кто-то из нас должен быть.

Музыка заиграла громче. Наши отцы обменялись рукопожатием. Люди поднимали бокалы.

А мы стояли рядом.

Два человека. С кольцами на пальцах. Связанные официально. Но между нами не было ни тепла. Только напряжение.

И ощущение, что эта игра только начинается.

Аплодисменты ещё долго не стихали. Они катились по залу волнами, отражались от высоких потолков, смешивались со звоном бокалов и торжественной музыкой. Люди подни-

мались со своих мест, тянулись ближе к сцене, улыбались широко, демонстративно, будто сами были частью великого события.

Свет люстр падал на мою руку. Кольцо блестело. Холодный камень ловил каждый луч и возвращал его обратно. Ярко, слепяще. Как клеймо.

Клинтон всё ещё держал мою руку. Его пальцы были тёплыми. Сильными. Уверенными.

Я осторожно попыталась высвободиться.

Он почувствовал это мгновенно. Пальцы сжались чуть сильнее.

– Улыбнись, – тихо произнёс он, почти не двигая губами.

– Они смотрят.

– Мне плевать.

Я перевела взгляд в зал. И правда. Они смотрели. Не просто гости. Наблюдатели. Аналитики. Те, кто завтра будет обсуждать, насколько выгоден этот союз. Для них это не романтика. Это событие. Заголовки. Союз капитала. Усиление влияния.

Я натянула на губы лёгкую, едва заметную улыбку.

Пусть подавятся.

Клинтон отпустил мою руку только тогда, когда к нам подошли наши отцы. Они обменялись короткими фразами, сухими и деловыми. Похлопали друг друга по плечу. Всё выглядело так, будто они только что подписали контракт на миллионы.

Собственно, так и было.

К нам приблизились две женщины. Обе в дорогих платьях, украшениях, с идеально уложенными волосами. Лица знакомые по светским хроникам, но лично я их не знала.

Светские львицы.

– Поздравляю вас, – протянула одна, растягивая слова сладко.

– И мои поздравления, – добавила вторая, оглядывая меня с головы до ног.

Засуньте свои поздравления куда-нибудь подальше.

Слова так и рвались наружу.

Но я понимала - одна неосторожная фраза, и я сама выкапаю себе яму.

– Благодарю, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

И тут одна из них слегка наклонила голову.

– Мы приятно удивлены, что ты выросла такой красавицей, – произнесла она с притворной теплотой. – А ведь ещё несколько лет назад ты была... кхм... полненькой.

Вот оно.

Я даже не удивилась.

Им нужно было это сказать. Уколоть. Напомнить.

Название толстушки, похоже, живёт дольше любых детских воспоминаний.

– Перестань, Селестина, – вмешалась её подруга с деланной укоризной. – Это уже в прошлом. Она теперь будущая

невестка семьи Форд.

И фальшиво улыбнулась.

Одни маски.

Я почувствовала, как внутри что-то холодное и тяжёлое опустилось в живот.

– Люди меняются, – спокойно ответила я. – Некоторым это идёт на пользу.

Селестина чуть прищурилась, но тут их внимание отвлекли приближающиеся фотографии. Женщины снова осыпали нас поздравлениями и, сверкая украшениями, отошли в сторону.

– Встань ближе, – тихо сказал Клинтон.

– Ещё чего, – съязвила я.

Не хватало мне ещё стоять, как кукла, прижатая к нему.

И вдруг его рука легла мне на локоть. Резко. Сильно.

Он притянул меня к себе так неожиданно, что я потеряла равновесие, и моё тело буквально впечаталось в его.

Тепло. Жёсткость мышц под рубашкой. Запах дорогого парфюма.

– Ты что творишь? – прошипела я сквозь зубы.

– Замолчи, – ответил он.

Тон был приказным.

Холодным.

– Ты... – я хотела вырваться, но нас уже окружили папарацци.

Вспышки ударили в глаза. Камеры защёлкали одна за дру-

гой. Люди выкрикивали:

– Сюда!

– Посмотрите сюда!

– Ближе друг к другу!

Его рука переместилась с локтя на талию. Сжала крепко, удерживая.

Со стороны мы выглядели идеально.

Он чуть наклонился ко мне, будто что-то шепчет нежное. Его лицо оказалось совсем рядом.

– Дёрнешься ещё раз, – тихо сказал он, – и завтра все будут писать, что у нас проблемы.

– А их нет? – прошептала я.

– Не для публики.

Очередная вспышка.

Я заставила себя перестать сопротивляться. Положила ладонь ему на грудь - чисто для кадра. Чтобы выглядело естественно.

Его сердце билось спокойно.

В отличие от моего.

– Ненавижу, – прошептала я.

– Я тоже, – ответил он неожиданно тихо.

И на секунду его пальцы на моей талии стали менее жёсткими.

Но камеры продолжали щёлкать. И нам приходилось играть дальше.

Идеальная картинка.

– Чуть ближе! – крикнул один из фотографов. – Посмотрите друг на друга!

Клинтон повернул голову ко мне. Медленно. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на глазах. Вспышка отразилась в его зрачках холодным светом.

– Сделай вид, что ты меня не ненавидишь, – тихо сказал он.

– Сделай вид, что тебе не всё равно, – ответила я.

На его губах мелькнула тень улыбки. Почти незаметная. Почти настоящая.

Я поняла, что со стороны это выглядит как интимный момент.

Как будто он шепчет мне что-то ласковое. Как будто я слушаю. Как будто между нами есть что-то, кроме напряжения.

– Наклонись к ней, – скомандовал кто-то.

Клинтон чуть наклонился, его лицо оказалось слишком близко. Я почувствовала тепло его дыхания у виска.

– Ещё немного, – произнёс он тихо. – И они отстанут.

– Надеюсь, – процедила я.

Он вдруг повернул голову так, что наши лбы почти соприкоснулись. Его рука на талии стала твёрже.

В этот момент зал снова взорвался аплодисментами. Кто-то начал свистеть. Камеры работали ещё яростнее.

И вдруг он сделал то, чего я не ожидала.

Он слегка повернул меня к себе и коснулся губами моей щеки.

Лёгко. Коротко. Сдержанно.

Но для публики более чем достаточно.

Гул в зале усилился.

– Идеально! – выкрикнул фотограф.

Я замерла на долю секунды.

– Ты совсем с ума сошёл? – прошептала я, не меняя выражения лица.

– Это часть спектакля, – спокойно ответил он. – Или ты хотела, чтобы я поцеловал тебя по-настоящему?

Я резко посмотрела на него.

В его глазах мелькнуло что-то опасное.

– Не смей, – сказала я тихо.

– А ты стала язвительнее, – тихо произнёс он, почти не разжимая губ.

Я не отвела взгляд.

– Жизнь учит так обращаться с людьми вроде тебя.

Он чуть прищурился.

– Вроде меня?

– Самоуверенных. Холодных. Думающих, что всё им возможно.

Очередная вспышка ударила в глаза.

Я улыбнулась для камеры.

– Ты ещё натерпишься от меня, – добавила я почти шёпотом.

На секунду его пальцы на талии замерли.

Он посмотрел на меня иначе. Словно не узнавая.

Да, раньше я была другой. Тише травы. С опущенными глазами. С наивной верой, что если быть хорошей, тебя не раздавят.

Но это было в прошлом.

Он отпустил меня только тогда, когда поток фотографов начал редеть. Камеры переместились к нашим отцам, к гостям, к общим кадрам.

Я сделала шаг в сторону, восстанавливая личное пространство.

– Ты наслаждаешься этим? – спросила я.

– Наслаждаюсь тем, что всё проходит по плану, – ответил он. – Это разные вещи.

– Плану? – усмехнулась я. – Ты говоришь, как твой отец.

– Потому что я его сын.

Он сказал это спокойно. Без гордости. Без стыда. Просто факт.

Музыка сменилась на более лёгкую. Гости начали перемещаться по залу. Официанты разносили шампанское. Кто-то уже обсуждал дату свадьбы.

Я почувствовала, как усталость накрывает меня внезапной волной.

Клинтон заметил.

– Ты побледнела, – сказал он.

– Я в порядке.

– Лжёшь.

– А ты привык к правде?

Он посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом.
– Больше, чем ты думаешь.
На секунду между нами повисла тишина.
Без камер.
Без вспышек.
Просто мы.
– Это только начало, Миллисента, – тихо произнёс он.
Я подняла подбородок.
– Для тебя.
Он слегка наклонился ближе.
– Для нас обоих.
И почему-то в этот момент я поняла, что он прав.
Это действительно только начало.

Глава-8. Новый отсчёт.

Музыка стихала где-то вдалеке, когда Клинтон вдруг схватил меня за запястье. Его пальцы сжались с пугающей силой, и я невольно вздрогнула от этого резкого прикосновения.

– Куда ты меня тащишь? Пусти, ублюдок! – взвизгнула я, пытаясь вырвать руку из его хватки.

Но он не слушал. Он просто тянул меня за собой сквозь растворяющуюся толпу гостей, и его пальцы только крепче сжимались на моем запястье.

Я чувствовала, как накатывает паника.

Что это с ним вдруг? Я и так ждала окончания этого чертового банкета, чтобы наконец сбежать от него, от этого фальшивого торжества, от этой показной радости по поводу нашей помолвки. Но он тащит меня куда-то.

Я резко обернулась назад, ища взглядом отца или мать. Они стояли в дальнем конце зала, погруженные в вежливую беседу с какими-то важными гостями. Ни один из них не заметил, как их дочь насильно уводят. А Джоди вообще черт знает где! Моя сестра исчезла сразу после того, как был объявлен наш с Клинтоном помолвку.

– Я сказала, пусти! – крикнула я, дергая рукой так сильно, что плечо пронзила боль.

Клинтон на секунду остановился и посмотрел на меня. В

этом взгляде было что-то пугающее.

– Замолчи, – произнес он.

Я ахнула от возмущения. Да как он смеет! Мы были на публике, окружены гостями, и он осмеливается указывать мне, что делать?

Я открыла рот, чтобы высказать ему всё, что я о нем думаю, но он уже снова тащил меня вперед.

Мы миновали коридор, свернули за угол, и вот уже двери главного зала остались далеко позади.

Гости превратились в размытые силуэты.

И вдруг мы оказались в какой-то комнате.

Я едва успела заметить темные стены, тяжелые шторы и массивный стол, прежде чем Клинтон втолкнул меня внутрь.

Я споткнулась на каблуках и едва не упала. Он захлопнул дверь за собой.

Я рванулась к выходу, но он опередил меня. Его ладонь ударила о деревянную поверхность прямо перед моим носом, блокируя путь.

– Что ты творишь? – выкрикнула я. – Ты в своем уме?

Он повернул ключ в замке. Щелчок замка в тишине комнаты прозвучал как выстрел. Мое сердце пропустило удар. Я отступила на шаг, потом еще один. Да что с ним?

– Клинтон, открой дверь, – потребовала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Немедленно.

Он не ответил. Вместо этого он сделал шаг ко мне. Потом еще один. Я отступала, пока спина не уперлась в стену. Тя-

желые обои царапали кожу.

– Ты выслушаешь меня, – произнес он.

– Я не буду ничего выслушивать! Открой дверь!

Он стоял совсем близко. Я чувствовала жар, исходящий от его тела. Он пах коньяком и дорогим парфюмом. Его лицо было в полумраке, но я видела яркий блеск в глазах.

– Ты думаешь, я хотел этого? – спросил он. – Думаешь, мне приятно быть помолвленным с тобой?

– Я тоже не в восторге, если ты забыл! – огрызнулась я.

– Не забыл, – кивнул он. – Ты напоминаешь мне об этом каждую секунду.

– Тогда зачем ты притащил меня сюда?

Вместо ответа он поднял руку. Я сжалась, ожидая удара, но его пальцы сомкнулись на моей шее. Не сжимая, а просто придерживая.

Его ладонь была горячей и сухой. Я почувствовала, как его большой палец лег на мою пульсирующую артерию.

– Клинтон... – начала я.

И вдруг он наклонился и резко впился в мои губы.

Я ахнула от неожиданности, и он воспользовался этим, углубляя поцелуй. Его рот был требовательным, жестким, почти жестоким.

Он прижал меня к стене всем телом, и я почувствовала, как его грудь давит на мои груди, как его бедро вжимается между моих ног.

Что происходит? Он же ненавидит меня так же, как и я

его! Я подняла руки и уперлась ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть. Но он был слишком сильным. Он не сдвинулся ни на дюйм.

Его язык проскользнул в мой рот, и я невольно вздрогнула от этого резкого проникновения.

Он целовал меня как зверь. Без нежности, без сдержанности. Только голод и жажда. Его зубы задели мою нижнюю губу, и я почувствовала привкус крови.

Я снова попыталась оттолкнуть его, но мои ладони лишь скользнули по его пиджаку.

И вдруг я осознала, что мои пальцы не отталкивают его - они сжимают ткань его пиджака.

Мое тело предавало меня. Тепло разливалось внизу живота, и я чувствовала, как влажнеют трусики.

Нет! Это неправильно! Я ненавижу его! Но его губы были такими настойчивыми, такими горячими. Его пальцы на моей шее чуть сжались, и это легкое давление отправило волну возбуждения прямо между моих ног.

Я простонала в его рот, и это было моей ошибкой. Он услышал. Он понял. Его губы скривились в усмешке против моих губ, и он прижал меня ещё сильнее к стене. Его бедро вдавилось в мое лоно, и я не могла сдержать второй стон.

Мои руки наконец нашли опору на его плечах. Я хотела оттолкнуть его. Я действительно хотела.

Но вместо этого мои пальцы сжались, впиваясь в ткань его пиджака, притягивая его ближе.

О Боже! Мне это нравится!

Эта мысль была ужасающей. И в то же время - освобождающей.

Я перестала бороться. Я открыла рот шире, отвечая на его поцелуй. Мой язык встретился с его в страстном, голодном танце.

Я чувствовала, как его рука на моей шее переместилась выше, пальцы зарылись в мои волосы, запрокидывая мою голову.

Он застонал. Этот звук был глубокий, мужской стон наслаждения. Я тонула в этом поцелуе, захлёбывалась им. Мои руки скользнули по его груди, чувствуя твердые мышцы под тканью рубашки.

Я ненавижу его. Я хочу его. Я ненавижу то, что хочу его.

Его губы оторвались от моих, и я едва не вскрикнула от потери.

Но он тут же опустился к моей шее, его зубы прикусили нежную кожу, и я запрокинула голову, давая ему лучший доступ.

– Ты... – прошептала я. – Мы не должны...

– Знаю, – прорычал он против моей кожи. – Заткнись.

И его рот снова накрыл мой, заглушая любые мысли о простете.

Мой разум плавился от его поцелуя, от жара его тела, от предательства собственной плоти. Руки, которые ещё мгновение назад пытались оттолкнуть его, теперь судорожно сжи-

мали ткань его пиджака, притягивая ближе.

Это было безумие. Это было неправильно. Но я не могла остановиться.

Что же мы творим? Что он творит?

Мысли метались в голове, но тело уже подчинилось другому закону. Закону голода, который я так пыталась игнорировать. Клинтон оторвался от моих губ, и я невольно потянулась за ним, словно лишившись воздуха. Его глаза холодные, пронзительно голубые - горели темным огнем, который я никогда раньше не видела.

– Ты хочешь этого, – не вопрос, а утверждение.

Я хотела возразить, хотела сказать, что ненавижу его.

Но слова застряли в горле, когда его рука скользнула по моему бедру, собирая ткань платья.

И вдруг он поднял подол платья и задрал его до талии.

Прохладный воздух комнаты коснулся разгоряченной кожи, и я вздрогнула, чувствуя себя невероятно уязвимой.

Тонкая полоска кружева трусиков - единственная преграда между нами.

– Стой... – прошептала я.

Но он не слушал. Его пальцы впились в мою талию, удерживая меня на месте, пока он неслышно приблизился.

Я встретила с его холодными голубыми глазами. В них не было ни капли сомнения, только голод и власть. Он знал, что делает. Знал, чего хочет.

И в следующий момент он прижался к моему лону, своим

твердым пахом.

Я судорожно выдохнула, голова откинулась назад, ударяясь о стену.

До предела огромный и твердый.

Даже сквозь трусики это ощущение было острым.

Он терся о мою влажную горячую щель.

Мое тело реагировало раньше разума, раньше гордости, раньше ненависти.

Я чувствовала, как влажность пропитывает тонкую ткань, как пульсирует ноющее желание между ног.

– Ты чувствуешь это? – его голос был хриплым, низким, он вибрировал у моего уха. – Чувствуешь, как твоя киска хочет меня?

Я стиснула зубы, пытаюсь сохранить хоть каплю достоинства.

Его бедра двигались медленно, ритмично, он втирается в мое влажное лоно сквозь слои ткани. Каждый раз, когда он прижимался теснее, я чувствовала всю толщину его члена.

– Скажи, ты хочешь, чтобы я оказался глубоко в тебе? – прошептал он прямо у моих губ.

Его дыхание смешивалось с моим, горячее и тяжелое.

Я смотрела в его глаза и видела там победу. Он знал. Он знал, что я таяла в его руках.

Я сглотнула скопившиеся слюни. Рот пересох, а сердце колотилось о ребра.

Он сделал толчок, имитируя секс. Жесткий, глубокий, да-

же сквозь преграду одежды я почувствовала, как мое тело прогибается ему навстречу, как бедра сами подаются вперед, ища большего.

– Я... – сказала я.

Мой голос был чужим. Слабым. Умоляющим.

– Ну же, скажи, что ты хочешь, – прошептал он, и его губы скользнули по моей щеке, к шее, к пульсирующей артерии, которую он прикусил. – Скажи это.

Его руки держали меня за ягодицы, приподнимая, заставляя обхватить его талию ногами.

Платья задралось окончательно, и я чувствовала его ладони на своей коже. Грубые. Требовательные.

– Я хочу... – начала я.

Слова готовы были сорваться с губ - признание, капитуляция, желание, которое я сейчас подавляла.

Я хотела сказать ему, чтобы он взял меня прямо здесь, прислонив к стене этой запертой комнаты. Я хотела почувствовать его глубоко внутри.

– Я хочу...

Резкий вдох - и я резко проснулась от сна.

Дыхание сбито. Сердце колотится так, будто я бежала. Простыня спуталась вокруг ног. В комнате темно, только слабый свет ночника отбрасывает мягкие тени на стены.

Что за чёрт?

Я резко села в кровати, прижимая ладонь к груди. Это был всего лишь сон.

Сон.

Но слишком... настоящий.

Я зажмурилась, пытаюсь стереть из памяти обрывки образов. Его лицо. Его взгляд. Близость. Тепло. Его голос, низкий, почти хриплый. И... этот поцелуй.

Почему именно он?

Почему мой мозг вообще решил выдать такое?

И почему между ног так предательски влажно?

Я замерла на секунду, ощущая собственное тело, словно оно стало чужим. Горячим. Чувствительным. Отзывающимся на воспоминание о том, чего даже не было.

– Нет, – прошептала я сквозь зубы.

Я резко отбросила одеяло и встала с постели. Холодный пол коснулся ступней, отрезвляя. Но внутри всё ещё пульсировало странное, неприятное тепло.

Я направилась в ванную, почти не глядя по сторонам. Щёлкнула выключателем. Свет ударил по глазам.

В зеркале - я. Растрёпанная. Щёки слегка покрасневшие. Губы приоткрыты, дыхание всё ещё неровное.

Я видела с ним такой сон... и завелась?

Меня передёрнуло.

– Ты серьёзно? – прошептала я своему отражению.

Из всех мужчин в мире. Из всех возможных лиц. Мой мозг выбрал его.

После всего, что было. После унижений. После этого чёртового банкета.

Я вцепилась пальцами в край раковины. Злость накатила резко.

На него. И ещё сильнее - на себя.

Как я вообще могла позволить себе такое? Даже во сне.

Это предательство. Предательство собственной ненависти.

Предательство обиды, которую я так бережно носила в себе все эти годы.

Я включила душ на полную, будто шум воды мог заглушить мысли. Стянула с себя ночную рубашку резкими движениями, словно избавлялась от чего-то липкого.

Горячая вода обрушилась на плечи. Пар заполнил кабину.

Я закрыла глаза, позволяя струям стекать по коже, но внутри не становилось легче. Наоборот. Воспоминание о сне цеплялось, возвращалось обрывками ощущений.

Как он смотрел. Как резко схватил меня за шею. Как касался.

Я резко открыла глаза и ударила ладонью по стене душевой.

– Прекрати, – прошептала я.

Это просто тело. Просто реакция. Глупая. Биологическая.

Он красив. Да.

Он опасно притягательный. Да.

Но это не значит, что я должна... хотеть его.

Я провела ладонями по лицу, по волосам, по шее, пытаюсь стереть остатки жара.

Мне противно от самой себя. Как будто он снова получил надо мной власть даже во сне.

Я ненавижу его.

Вода стекала вниз, смешиваясь с жаром кожи. Я стояла под струями дольше, чем нужно, надеясь, что холод внутри вернётся.

Потому что если это только начало...

Если он начнёт сниться мне так снова...

Я не знаю, что с этим делать.

Вода продолжала стекать по коже, но внутри всё равно оставалось ощущение, будто я не смыла ничего.

Я выключила душ резким движением. В ванной стало слишком тихо. Только капли срывались вниз, разбиваясь о кафель – мерный, раздражающий звук.

Я обернула себя полотенцем и снова подошла к зеркалу.

Стекло запотело. Я провела ладонью по поверхности, очищая узкую полоску. Моё отражение появилось медленно, будто нехотя.

Глаза темнее обычного. В них что-то новое. Что-то, что мне не нравится.

– Это просто стресс, – сказала я вслух.

Помолвка. Давление. Его присутствие рядом.

Я стиснула зубы.

Может, мозг просто решил разрядить напряжение. Может, это способ выпустить злость. Превратить её во что-то другое.

Но почему во что-то... такое?

Я ненавижу, что помню, как он выглядел вчера. Чёрная рубашка, подчёркивающая плечи. Спокойствие в его взгляде, будто он всё контролирует. Даже меня.

Особенно меня.

Я опёрлась руками о раковину и наклонилась ближе к зеркалу.

– Ты слабая, – прошептала я себе.

Раньше я бы спряталась. Раньше я бы покраснела от одного воспоминания.

Но это «раньше» умерло.

Теперь я другая.

Я резко выпрямилась, сбросила полотенце на край ванной и начала одеваться. Движения были резкими, собранными. Как перед боем.

Я подошла к окну и отдёрнула штору. Утро только началось. Небо было бледным, почти холодным.

И я сделаю себя такой же. Холодной.

Пусть снится что угодно. Пусть тело предаёт. Разум останется при мне.

А если он решит приблизиться в реальности так же, как во сне...

Он ещё пожалеет.

Я вернулась к кровати и медленно опустилась на неё.

Матрас мягко прогнулся подо мной. Я легла на спину, уставившись в потолок.

Я вытянула руку и провела пальцами по простыне. Ткань прохладная, гладкая. В комнате тихо. Ни шагов за дверь. Ни голосов. Только редкий шум ветра за окном.

Отец больше не держит меня взаперти.

Конечно.

Теперь в этом нет необходимости. Теперь всё иначе. Теперь я официально связана с Фордом. Теперь я не проблема, которую нужно запирать. Теперь я часть соглашения.

Я медленно повернула голову к окну. Снаружи, за высокими коваными воротами, я знала, стоит охрана. Камеры на углах дома. Чёрные машины во дворе.

Сбежать? Бессмысленно.

Да и куда?

Я тяжело выдохнула и прикрыла глаза. Хотелось ещё немного полежать, не двигаться, не думать.

Но мысли всё равно лезли.

Я резко открыла глаза.

Хватит.

Я села на кровати и провела ладонями по лицу. Нужно спуститься на завтрак.

Когда я поднялась, взгляд случайно скользнул по тумбочке.

Там лежала коробка. Новая. Аккуратная. Ещё не вскрытая.

Я нахмурилась и подошла ближе.

Телефон.

Последняя модель. Тонкий, дорогой, блестящий. Рядом маленький пластиковый держатель с сим-картой.

Я замерла на секунду.

С момента моего побега у меня не было телефона. Никаких уведомлений. Никаких звонков. Никакой связи.

И вот он.

Я взяла коробку в руки. Лёгкая. Почти невесомая. Провела ногтем по краю и аккуратно вскрыла.

Экран блеснул под защитной плёнкой.

Я вспомнила, как тогда выбросила свой старый телефон. Не раздумывая. Просто избавилась. Но сим-карту я оставила. Почему-то не смогла выбросить её вместе со всем остальным.

Я подошла к чемодану.

Когда Клинтон забрал меня из убежища, он распорядился, чтобы мои вещи тоже привезли. Тогда я почти не обратила на это внимания. А сейчас вдруг порадовалась.

Я присела, открыла чемодан и начала перебирать вещи. Карманы куртки. Маленькая косметичка. Внутренний кармашек в сумке.

Вот она.

Маленькая, почти незаметная.

Я улыбнулась едва заметно.

Вернулась к кровати, аккуратно вставила сим-карту в новый телефон и нажала кнопку включения.

Экран ожил. Логотип. Загрузка. Настройки.

Я быстро прошлась по основным пунктам, подключила интернет. И в ту же секунду телефон взорвался уведомлениями. Сообщения. Пропущенные вызовы. Отметки. Упоминания.

Экран буквально засыпало значками.

Я медленно открыла одну из соцсетей.

И замерла.

Подруги из Англии.

Эми. Лора. София.

«Милли, что с тобой?»

«Ты где?»

«У тебя всё в порядке?»

«Ответь, пожалуйста»

«Мы переживаем»

Я прокручивала переписку вниз. Сообщения шли одно за другим. Днями. Неделями.

Сначала лёгкие шутки. Потом беспокойство. Потом откровенная тревога.

«Почему ты не отвечаешь?»

«Милли, это не смешно»

Я медленно опустилась на кровать, всё ещё держа телефон в руках.

Ого.

Столько сообщений.

Я даже не представляла, что меня ищут так настойчиво.

Горло сжалось.

Там, в Англии, у меня была другая версия себя. Там я смеялась искренне. Там никто не решал за меня моё будущее.

Я открыла чат с Эми. Пальцы зависли над клавиатурой. Что я должна написать?

«Я в порядке»?

Это будет ложь.

«Я помолвлена»?

Это вызовет сотню вопросов.

Телефон снова завибрировал. Новое уведомление.

«Ты помолвлена?!»

Я нажала. И увидела фотографии со вчерашнего вечера.

Я в розовом платье. Он рядом. Его рука на моей талии. Наши лица слишком близко. Кольца блестят под светом люстр.

Подписи. Комментарии. Репосты.

Фотографии разлетелись по интернету быстрее, чем я успела сделать первый вдох.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается.

Вот и всё.

Теперь они знают.

Я стиснула зубы так сильно, что челюсть заныла.

Нет. Не сейчас. Я не готова отвечать на их вопросы. Не готова объяснять, оправдываться, придумывать слова, которые всё равно прозвучат фальшиво.

Я открыла чат с Эми и быстро набрала:

«У меня всё в порядке. Потом всё объясню».

Коротко. Без подробностей.

Отправила. Секунда, и сообщение доставлено.

Я смотрела на экран ещё пару мгновений, словно ожидала, что он снова взорвётся уведомлениями.

Потом просто выключила телефон.

Я положила его на кровать и медленно поднялась. Плечи напряжены, спина прямая. Как перед очередной сценой.

Дверь открылась без усилий.

Я вышла в коридор и направилась к лестнице. Шаги отдавались тихим эхом. Дом просыпался - лёгкий звон посуды, приглушённые голоса.

Запах кофе и свежей выпечки встретил меня ещё на середине лестницы.

Я спустилась вниз и зашла в кухню.

Мама сидела за столом, аккуратная, собранная. Отец листал какие-то документы, даже за завтраком не расставаясь с работой. Джоди уже ела и, заметив меня, сразу оживилась.

– Доброе утро, Милли!

В её голосе было столько искреннего тепла, что на секунду во мне что-то дрогнуло.

– Доброе, – ответила я и даже позволила себе слабую улыбку.

Отцу и матери я ничего не сказала.

Я прошла к столу и села рядом с Джоди. Она чуть придвинулась ко мне, будто боялась, что я снова исчезну.

Я взяла вилку и принялась есть. Еда казалась безвкусной.

Или это я ничего не чувствую.

Несколько секунд стояла тишина, нарушаемая только звонком посуды.

– Я хочу сегодня погулять с Джоди, – сказала я вдруг, не поднимая взгляда. – Теперь же я могу выходить?

В голосе прозвучал тонкий слой сарказма.

Отец оторвался от бумаг и посмотрел на меня.

– Можешь, – коротко ответил он. – Я разрешаю.

Я усмехнулась.

Разрешает. Как будто речь идёт о прогулке ребёнка во дворе.

Мама мягко улыбнулась, будто стараясь сгладить углы.

– Будешь шоколадный пирог? Я сама его испекла.

Я не посмотрела на неё.

– Нет.

Сухо. Ровно. Без оттенков.

Я краем глаза увидела, как её улыбка медленно погасла.

Как будто я только что погасила свет в комнате.

Отец нахмурился.

– Не нужно так разговаривать с матерью.

Я подняла взгляд.

– Я сама знаю, как с кем общаться.

В кухне стало плотнее. Тяжелее.

В следующую секунду отец резко ударил ладонью по столу.

Звук глухо разнёсся по комнате. Посуда дрогнула. Джоди

вздрогнула рядом со мной.

– Хватит, – его голос стал жёстким.

– Дорогой, не надо, – быстро сказала мама, положив ладонь на его руку. – Давайте поедим спокойно. Не нужно давить на Милли.

Я усмехнулась про себя.

Не нужно давить. Интересно, когда именно это правило начало действовать?

Отец устало выдохнул, провёл рукой по лицу. На секунду он выглядел старше.

И вдруг сказал, будто между прочим:

– Свадьба будет через месяц.

Мир будто остановился.

Я резко подняла голову.

– Что?

– Мы изменили дату, – спокойно продолжил он. – Через месяц.

Я медленно поднялась со стула.

– Но назначали же через три месяца.

– Обстоятельства изменились, – отрезал он. – Чем быстрее, тем лучше.

Лучше для кого?

Внутри всё вспыхнуло.

Месяц. Тридцать дней.

Четыре недели до того, как мою жизнь окончательно запечатают чужой фамилией.

Я чувствовала, как начинаю дрожать от злости. Пальцы сжались в кулаки.

Я смотрела на него, пытаюсь найти хоть намёк на сомнение. Но ничего. Только холодная решимость.

Я поняла.

До него не достучаться.

Никогда.

Не говоря ни слова, я резко развернулась и вышла из кухни. Почти выбежала.

– Милли! – крикнула мама мне вслед.

Я не остановилась.

– Пусть идёт, – твёрдо сказал отец.

Его голос догнал меня уже в коридоре.

Я шла быстро, почти не видя перед собой ничего. Сердце колотилось, в висках стучало.

Месяц.

Всего месяц.

И это ощущение, что стены сдвигаются всё ближе.

Глава-9. Холодная искра.

Я стою и смотрю в своё отражение.

Белое платье струится по телу, будто создано именно для меня. Дорогие камни рассыпаны по корсету и плечам, ловят свет и вспыхивают холодными искрами. Ткань обнимает талию, подчёркивает изгибы, спускается вниз идеальной линией. Подол длинный, тяжёлый, он растекается по полу мягкой волной, словно я уже стою у алтаря.

Безупречно. Грациозно. Дорого.

Я выгляжу именно так, как должна выглядеть невеста наследника империи.

Только вот невестушка совсем не счастлива.

Это видно даже по глазам консультанток. Они улыбаются, говорят правильные слова, восхищаются посадкой, шепчут друг другу что-то о крое и ткани. Но в их взглядах читается осторожность. Они видят, что я не улыбаюсь. Что мои губы сжаты. Что в глазах нет ни искры.

На диване сидят мама и Джоди.

Джоди смотрит на меня так, будто я принцесса из сказки. В её глазах - восторг. Искренний, тёплый. Она даже слегка приподнимается, чтобы лучше рассмотреть вышивку.

Мама улыбается мягко, но напряжённо. Её пальцы сцеплены на коленях слишком крепко. Она ждёт. Ждёт, что я наконец скажу «да, это оно».

Я примерила уже десятки платьев.

Пышные. Узкие. С открытой спиной. С длинными рукавами. С кружевом. Без кружева.

И если быть честной, то ни одно не понравилось.

Но дело не в крое.

Не в цвете.

Не в камнях.

Дело в том, что это нежеланная свадьба. Вот и всё.

Я смотрю на своё отражение и думаю, что выгляжу так, будто играю роль. Будто это костюм для спектакля. Белый наряд для чужой истории.

Я уже приняла свою судьбу. Смирилась.

После того дня, когда отец объявил, что дату свадьбы сократили, во мне что-то окончательно перегорело. Я помню, как потемнело в глазах. Как всё внутри сжалось до боли.

И всё равно ночью я попыталась сбежать.

Глупо.

Я тихо открыла окно, спустилась вниз по балкону, босиком по холодной траве. Сердце колотилось, как безумное. Я почти почувствовала вкус свободы.

Почти.

Один из охранников заметил меня ещё у ворот. Его рука жёстко сомкнулась на моём запястье.

– Вам нельзя, – сказал он ровным голосом.

Как будто я пыталась выйти за хлебом.

Меня вернули в дом.

И тогда я поняла. Сбежать я не смогу.

Я долго сидела на полу своей комнаты той ночью, прижавшись спиной к двери, и впервые не плакала. Слёзы кончились раньше.

Теперь осталось только одно.

Шесть месяцев.

Всего шесть месяцев.

Я повторяю это себе как мантру.

Потерпеть. Выдержать. Прожить.

А потом... потом я найду способ выстроить свою жизнь так, как хочу.

Но смогу ли я?

Смогу ли я подавить свою гордость?

Смогу ли жить рядом с человеком, который публично унизил меня когда-то на глазах у всех? С тем, кто смотрит на меня так, будто между нами всегда будет игра в превосходство?

Я ненавижу его. Ненавижу за прошлое. Ненавижу за спокойствие. Ненавижу за то, что даже сейчас, стоя в белом платье, я думаю о том, как он посмотрит на меня в день свадьбы.

Я перевожу взгляд на своё отражение.

Красиво. Идеально. Безупречно. Вот только внутри пусто. – Милли, – осторожно произносит мама, – тебе нравится?

Я встречаюсь с собой в зеркале.

Нравится ли мне платье?

Или нравится ли мне жизнь, в которую меня аккуратно

зашивают вместе с этими камнями?

Я провожу ладонью по ткани, чувствую её вес.

И вдруг мне хочется рассмеяться. Потому что за этой безупречностью скрывается одно простое чувство.

Я выхожу замуж не потому, что люблю. А потому что так решили.

– Давайте примерим ещё одно, – мягко предлагает консультантка, будто чувствует, что я ещё не сказала последнего слова.

Я устало киваю.

Меня уводят обратно за плотную занавеску. Белая ткань шуршит вокруг, как бесконечная зима. Корсет предыдущего платья расстёгивают, тяжёлый подол аккуратно снимают. Я стою в зеркальной кабине почти безэмоционально, как манекен.

– Это совсем другое, – говорит одна из девушек с воодушевлением.

Мне подают новое платье.

Я нехотя вхожу в него, позволяя им подтянуть ткань выше, расправить швы, застегнуть скрытую молнию. Материал прохладный, мягкий, но плотный. Он ложится по телу иначе.

Когда я выхожу к зеркалу, сначала вижу только силуэт.

Лиф выполнен в форме сердечка, открытые плечи мягко подчёркивают линию шеи и ключиц. Декольте изящное, не вызывающее, но достаточно глубокое, чтобы притягивать взгляд. Поверх платья тончайшая кружевная накидка с вуа-

лю. Она невесомо ложится вдоль рук и плавно спускается к полу, словно лёгкий туман окутывает фигуру.

Кружево мелкое, детализированное. Цветочный орнамент напоминает морозные узоры на стекле в зимнее утро. Тонкие линии, переплетения, прозрачность.

Ткань облегает корпус до колен, подчёркивая талию и бёдра без грубости, без излишней демонстрации.

А затем платье плавно расширяется.

Шлейф - главный акцент. Широкий, полупрозрачный, расшитый кружевной каймой по краям. Он раскрывается за спиной веером, придавая образу почти королевскую торжественность.

Я замираю.

В зале становится тихо.

Джоди первой тихо ахает.

– Милли... ты как королева.

Мама прикрывает рот ладонью. В её глазах блеск.

Консультантки переглядываются с довольством.

А я смотрю на себя.

И что-то внутри неожиданно шевелится.

Я поворачиваюсь чуть в сторону. Кружевная вуаль мягко скользит по рукам. Шлейф тянется за мной плавной линией. В этом движении есть что-то медленное, уверенное. Почти величественное.

Мне идёт.

Чёрт.

Мне действительно идёт.

Я не хочу себе это признавать.

Не хочу, потому что если платье нравится - значит, я начинаю принимать всё это всерьёз. Значит, я стою здесь и выбираю.

Я провожу пальцами по кружеву. Оно тонкое, но прочное. Как будто создано для того, чтобы выглядеть хрупким, оставаясь устойчивым.

Как я.

– Ну? – осторожно спрашивает мама.

Я молчу.

Смотрю на своё отражение дольше, чем на все предыдущие платья.

Я выгляжу... опасной. Холодной. Недостигаемой.

– Неплохо, – произношу я наконец, стараясь сохранить равнодушие.

Но голос предательски мягче, чем должен быть.

Мама выдыхает так, будто держала воздух всё это время.

Джоди улыбается широко, искренне.

Консультантки начинают оживлённо обсуждать посадку, длину шлейфа, возможные корректировки.

А я продолжаю смотреть на своё отражение.

– Мы можем немного укоротить шлейф, если хотите, – предлагает консультантка. – Или добавить больше прозрачности по краям.

– Нет, – неожиданно для самой себя отвечаю я.

Все смотрят на меня.

– Оставьте так.

Шлейф должен быть длинным. Пусть тянется за мной, как символ того, что я не прячусь. Что я не пытаюсь быть меньше, удобнее.

Мама осторожно улыбается.

– Значит... мы берём его?

Я чувствую, как внутри всё снова начинает сжиматься. Решение – это шаг к неизбежному. Это подпись под приговором.

Но я уже приняла его. Шесть месяцев. Я справлюсь.

– Да, – произношу я спокойно.

В салоне будто становится светлее. Консультантки оживляются, кто-то уходит оформлять заказ, кто-то обсуждает сроки подгонки.

А я продолжаю стоять.

И представляю день свадьбы.

Две недели спустя

Вот и настал день свадьбы.

Хах.

Как же быстро проходит время, когда ты его не ждёшь. Ещё вчера казалось, что впереди целый месяц. Пространство, в котором можно что-то изменить, передумать, перевернуть всё вверх дном.

А сегодня я просыпаюсь, и это уже не будущее.

День, который вписан в расписания, в приглашения, в контракты, в чьи-то холодные расчёты.

Я лежу в постели и смотрю в потолок. Белый. Ровный. Такой же безупречный, как и то платье, что ждёт меня сегодня.

В доме уже слышно движение. Шаги. Приглушённые голоса. Двери открываются и закрываются. Всё работает, как механизм. Всё отлажено.

Прошёл месяц.

И весь этот месяц я не разговаривала с отцом и матерью.

Мама пыталась. Иногда заходила в мою комнату, приносила чай, садилась на край кровати. Спрашивала, как я спала. Нравится ли мне букет. Хочу ли изменить причёску.

Я отвечала коротко и холодно.

Иногда просто кивала.

Она смотрела на меня с болью. Я это видела. Но моя обида была сильнее. Сильнее её тихих попыток быть мягкой.

Отец даже не пытался.

Он понимал.

Понимал, что между нами сейчас не просто пауза, а пропасть.

Иногда я чувствовала его взгляд за столом. Тяжёлый. Изучающий. Но он молчал. И я молчала в ответ.

Единственная, с кем я действительно разговаривала, была Джоди.

Она каждый день приходила ко мне. Садилась рядом на

кровать, рассказывала про школу, про друзей, про какую-то глупую мелочь, которая для неё казалась целым миром.

С ней я могла быть настоящей. С ней я смеялась.

Мы выходили гулять в сад. Или просили отвезти нас в парк. И всегда – всегда – за нами шла охрана. Чёрные костюмы. Невозмутимые лица. Несколько шагов позади.

Без них никак.

Сначала это бесило. Я чувствовала себя под стеклянным колпаком. Даже воздух казался чужим, когда за спиной слышались тяжёлые шаги.

Но я научилась не оборачиваться. Главное - я не была в заперти.

Я могла видеть небо. Могла чувствовать ветер. Могла идти по улице, пусть и под чужими взглядами.

Свобода с ограничениями всё равно лучше клетки.

Я медленно поднимаюсь с кровати.

Сегодня дом украшен.

Сквозь окно видно, как во дворе расставляют цветочные композиции. Белые и нежно-розовые оттенки. Арки. Ленты. Всё выглядит так, будто это праздник любви.

Ирония.

Я подхожу к зеркалу.

Сегодня моё лицо спокойнее, чем я ожидала. Нет истерики, слёз.

Есть усталость.

В дверь тихо стучат.

– Милли, – голос мамы. – Можно?

Я закрываю глаза на секунду. Сегодня я не могу её не впустить.

– Да.

Она входит осторожно, будто боится спугнуть меня. На ней светлое платье, волосы аккуратно уложены. Она выглядит красивой. Немного напряжённой. Немного взволнованной.

– Всё готово, – тихо говорит она.

Я киваю.

Слова сегодня кажутся лишними.

Через час ко мне придут визажисты. Парикмахеры. Кто-то поправит макияж, кто-то закрепит вуаль. Меня будут собирать, как драгоценную куклу.

И я позволю.

Я долго стою посреди комнаты, прежде чем направиться в ванную.

Шаги медленные. Почти ленивые. Будто если двигаться медленнее, время тоже замедлится.

Я закрываю за собой дверь и включаю воду.

Горячий поток обрушивается на плечи, на спину, стекает по коже. Пар постепенно заполняет пространство, прячет отражение в зеркале. В этой влажной дымке я будто исчезаю.

Я стою под струями слишком долго. Пальцы упираются в холодную плитку. Лоб касается стены. Вода шумит так громко, что заглушает мысли.

Выходить не хочется.

Я прикрываю глаза.

Если не выйду... что будет?

Картина сама складывается в голове. Стук в дверь. Сначала вежливый. Потом настойчивый. Потом приказной голос отца. И если потребуется - дверь действительно могут выбить.

Меня вытащат из ванной, завернут в полотенце, приведут в порядок. Сделают вид, что ничего не случилось.

Я тихо усмехаюсь.

Они и на такое способны. Раз держали родную дочь в заперти, что им стоит ещё одна демонстрация силы?

От этой мысли внутри поднимается холод.

Я перекрываю воду. В ванной сразу становится слишком тихо. Только редкие капли падают вниз.

Вытираюсь медленно, будто растягиваю последние минуты уединения. Натягиваю халат. Делаю глубокий вдох. И открываю дверь.

В комнате уже сидит Джоди.

Она устроилась на краю кровати, поджав ноги, и, увидев меня, сразу вскакивает.

– Ты долго, – говорит она, но без упрёка.

Я смотрю на неё и чувствую, как что-то внутри смягчается.

– Давай сбежим вместе? – вдруг выпаливает она.

С такой серьёзностью, будто это самый логичный план на

сегодня.

Я невольно улыбаюсь.

Подхожу ближе, касаюсь её волос, мягко приглаживаю их.

– Я не иду на войну, – тихо отвечаю.

Она морщит лоб.

– Мне больно видеть тебя такой... подавленной.

Это слово звучит особенно остро.

Подавленной.

Я опускаюсь перед ней на колени, чтобы быть на одном уровне, и обнимаю её.

В этом доме лишь она на моей стороне. Не потому что так правильно. А просто потому что любит.

Я чувствую, как она обнимает меня в ответ. Её руки тонкие, тёплые. Она прижимается так, будто боится, что я исчезну.

– Не волнуйся, – шепчу ей в волосы. – Не я... это они пусть боятся меня.

Она отстраняется и смотрит на меня удивлённо. Потом смеётся.

И этот смех живой, звонкий - вдруг делает утро легче.

– Вот это я понимаю, – говорит она. – Вот такую Милли я люблю.

Я поднимаюсь, выпрямляюсь.

Да. Пусть боятся.

Если уж я не могу изменить обстоятельства, я могу изменить свою позицию в них.

Джоди хватает меня за руку.

– Пойдём позавтракаем, пока не пришли мастера. Потом тебя украдут на полдня.

Украдут. Точное слово.

– Пойдём, – соглашаюсь я.

Мы выходим из комнаты вместе.

Коридор кажется длиннее обычного. Дом сегодня дышит иначе. Слуги двигаются быстрее.

Я чувствую взгляды, но не реагирую.

Мы спускаемся по лестнице. Джоди не отпускает мою руку.

Мы идём на кухню, и я чувствую странное спокойствие.

Мы завтракаем почти в тишине.

Я сажусь за стол напротив Джоди. Она смотрит на меня внимательно, будто проверяет - здесь ли я ещё, или уже мыслями где-то далеко.

Я беру чашку с кофе. Тепло обжигает ладони. Первый глоток горький, терпкий. И эта горечь кажется мне единственной честной вещью за всё утро.

Есть не хочется. Но я заставляю себя отломить кусочек круассана.

Джоди рядом тихо болтает. Я слушаю её голос и цепляюсь за него, как за якорь. Всё остальное просто шум.

Через несколько минут в кухню входит одна из служанок. Её шаги аккуратные, но в них чувствуется спешка.

– Мисс Милли, мастера уже прибыли. Они ждут вас.

Слова звучат спокойно, но я ощущаю, как внутри что-то окончательно щёлкает.

Вот и всё. Время пошло.

Я киваю.

– Спасибо.

Ставлю чашку на блюдце. Звук фарфора о фарфор кажется слишком громким.

Поднимаюсь.

Джоди сразу встаёт следом, не спрашивая, можно ли. Просто идёт рядом.

Мы поднимаемся по лестнице. Дом гудит, как улей. Кто-то переносит коробки. Где-то звонит телефон. Голоса перекрывают друг друга.

Сегодня всё крутится вокруг меня. И в то же время, совсем не вокруг меня.

Свадьба будет проходить в загородном доме Фордов.

Мы поедем туда ближе к полудню. Гостей уже начали встречать. Всё готово. Всё расписано по минутам.

Мы заходим в мою комнату.

И хотя нет. Она уже не моя.

Она превращена в рабочее пространство. Большое зеркало освещено дополнительными лампами. На столике разложены кисти, палитры, лаки, шпильки, флаконы. Открытые чемоданы с косметикой напоминают хирургический набор.

Три женщины оборачиваются ко мне одновременно.

– Доброе утро.

Я чуть киваю.

Меня усаживают в кресло перед зеркалом. Халат мягко обнимает тело, волосы ещё слегка влажные после душа. Я чувствую прохладу на коже.

Джоди устраивается сбоку, на диване. Она наблюдает с интересом, но молчит.

– Начнём с кожи, – говорит визажистка.

Её пальцы холодные и уверенные. Она наносит основу, растушёвывает, выравнивает тон. Кисти скользят по скулам, по векам, по подбородку. Запах косметики постепенно заполняет воздух.

Я смотрю в зеркало и замечаю, как моё лицо меняется.

Исчезает усталость. Исчезает бледность. Появляется чёткость. Глубина.

– Закройте глаза, пожалуйста.

Я закрываю.

Тени ложатся мягкими переходами. Свет и тень подчёркивают форму глаз. Ресницы становятся длиннее, темнее. Губы аккуратно очерчены, цвет спокойный, благородный.

Каждое прикосновение делает меня всё более... завершённой.

Параллельно парикмахер аккуратно расчёсывает волосы, разделяет их на пряди. Тянет, фиксирует, подкручивает. Лак распыляется лёгким облаком.

– Вам комфортно? – спрашивает она.

– Да.

Часы идут.

В комнате тепло от работающих приборов. Я чувствую лёгкое напряжение в спине, но не двигаюсь. Сажусь ровно и спокойно.

Иногда встречаю взгляд Джоди в зеркале. Она улыбается. Подбадривает. Поднимает большой палец вверх.

Я едва заметно отвечаю ей тем же.

Через некоторое время мастера отходят назад, оценивая результат.

– Вы выглядите невероятно.

Я смотрю на отражение.

Это я.

Но более строгая. Более взрослая. Более собранная.

Взгляд глубокий. Спокойный. Почти холодный.

Внутри всё равно шторм. Но снаружи - штиль.

– Пора надевать платье, – произносит кто-то.

Сердце делает тяжёлый, глухой удар. В комнате становится тише.

Платье аккуратно достают из чехла. Кружево переливается мягким светом. Шлейф расправляют по полу.

Я встаю.

Халат спадает с плеч. Ткань платья касается кожи - прохладная, плотная. Его поднимают выше, аккуратно фиксируют, застёгивают молнию, выравнивают линию лифа.

Я ощущаю, как оно ложится на тело идеально. Как будто создано именно для этого момента.

Кружевную накидку осторожно опускают на плечи. Вуаль закрепляют в волосах.

Я смотрю на своё отражение ещё несколько секунд. Долго. Внимательно.

И вдруг уголок губ приподнимается сам собой. Ухмылка выходит тихой, почти незаметной. Не радостной. Не нервной.

Вот она. Идеальная невеста.

Кружево мягко ложится на плечи. Камни на лифе ловят свет. Шлейф, расправленный за спиной, напоминает белое крыло.

– Вы самая красивая невеста из всех, кого я видела, – вдруг говорит визажистка, глядя на меня с искренним восхищением.

Самая красивая.

Я благодарно киваю.

– Спасибо.

А внутри тихо добавляю:

И самая несчастная.

Но этого вслух я не произношу. Пусть видят только то, что блестит.

В этот момент дверь приоткрывается.

Мама.

Она входит осторожно, будто боится разрушить картину. И замирает у порога. Её взгляд скользит по мне сверху вниз. По волосам. По вуали. По линии плеч. По шлейфу.

Она прикрывает рот ладонью.

– Милли... – её голос дрожит. – Ты невероятна.

На секунду кажется, что она вот-вот расплачется.

Её глаза блестят. В них и гордость, и сожаление, и что-то ещё – возможно, надежда, что всё будет хорошо.

Я не отвожу взгляда. Не делаю шаг навстречу. Просто стою.

Она глубоко вдыхает, берёт себя в руки. Её плечи выпрямляются.

– Нам пора, – произносит она уже собранно. – Гости собираются. Всё готово.

Пора.

Слово падает тяжело.

Я молча киваю. Ни «да». Ни «хорошо». Просто поворачиваюсь к двери.

Джоди тут же оказывается рядом. Её пальцы осторожно касаются моей руки.

Мы выходим из комнаты. По коридору. По лестнице.

Белое платье шуршит при каждом шаге.

Мы выходим из дома. Свежий воздух касается лица. Солнце яркое, почти ослепительное. День ясный, без единого облака.

Как назло – идеальная погода для идеальной свадьбы.

У входа уже ждёт машина. Чёрная, блестящая, с затемнёнными стёклами.

Водитель открывает дверь.

Мама садится первой. Потом я – осторожно, приподнимая подол, чтобы не наступить на кружево. Джоди устраивается рядом со мной.

Дверь закрывается. Внутри машины тихо. Только приглушённый шум двигателя.

Машина трогается.

Я смотрю в окно.

Дом остаётся позади. Деревья мелькают вдоль дороги. Асфальт тянется вперёд ровной линией.

Час.

Всего час до того момента, когда всё станет официальным.

Мама иногда поглядывает на меня. Хочет что-то сказать.

Но не говорит.

Джоди держит меня за руку.

Я чувствую, как внутри нарастает странная тяжесть.

Не паника. Не страх. Что-то более глубокое. Как будто я стою на краю обрыва и уже знаю, что шагну вперёд.

Через час машина замедляется.

Я вижу впереди высокие ворота. Загородное поместье Фордов. Большое. Просторное. Белый фасад, широкая подъездная дорожка, аккуратно подстриженные газоны. Всё выглядит торжественно. Безупречно.

Машина останавливается.

Сердце делает медленный, тяжёлый удар.

Вот оно.

Я смотрю на дверь. Не хочется выходить. Как же не хо-

чется.

Внутри паршиво. Словно что-то сжимает грудную клетку изнутри.

Если бы можно было просто остаться здесь. Сидеть в этой машине. Смотреть в окно. Не двигаться. Но я знаю, что это лишь отсрочка.

Водитель уже выходит. Открывает дверь. Свежий воздух снова касается кожи.

– Милли, – тихо говорит мама.

Я не отвечаю.

Просто собираю всю свою волю в кулак. И выхожу. Шлейф плавно опускается на дорожку. Каблуки касаются камня.

Я выпрямляюсь. Поднимаю подбородок.

Дверь машины закрывается за моей спиной глухим щелчком.

Перед входом в поместье уже стоит отец. Он ждёт. Высокий, собранный, в идеально сидящем костюме. Лицо привычно строгое, почти каменное. Вокруг суетятся организаторы, кто-то шепчет в наушник, кто-то поправляет композиции из цветов, но он стоит неподвижно.

Когда я подхожу ближе, его взгляд медленно скользит по мне сверху вниз.

От вуали - к глазам. От плеч - к линии талии. К шлейфу, который мягко тянется за мной.

На долю секунды его выражение меняется. Смягчается.

Как будто он действительно видит не элемент сделки, а дочь.

Но это длится слишком мало.

Он берёт себя в руки. Лицо снова становится сухим, собранным.

– Возьми меня за локоть, – произносит он строго.

Я чувствую, как челюсть сжимается до боли. Зубы почти скрипят.

Ненавижу.

Слово вспыхивает внутри горячей искрой.

Но я поднимаю руку. И кладу её на его локоть послушно.

Мама подходит ближе. Её глаза влажные.

– Удачи, – шепчет она.

Джоди крепко сжимает мои пальцы.

– Ты справишься.

Я не смотрю на маму. Не хочу. Если посмотрю - могу дрогнуть. А я не собираюсь дрожать.

Они отходят в сторону. Остаёмся только мы с отцом.

И тишина перед началом.

У меня в руках букет. Белые цветы. Нежные, почти хрупкие. Их аромат сладкий, приторный.

Я стою и жду.

Где-то впереди звучит музыка. Мягкая, торжественная. Гости рассаживаются. Голоса постепенно стихнут.

Свадьбу организовали рядом с бассейном.

Вокруг огромные деревья, их кроны раскинулись широко, словно защищая пространство от внешнего мира. Вода в

бассейне спокойная, зеркальная, отражает небо. Белые стулья расставлены ровными рядами. Цветочные арки, лёгкие ткани, переливающиеся на ветру.

Идеальное место. Как картинка.

Кто-то делает знак.

Пора.

Музыка становится громче. Отец делает шаг вперёд, и я иду вместе с ним. Мы выходим на белую дорожку.

Гостей много. Слишком много. Я чувствую их взгляды, как лёгкие прикосновения к коже. Шёпот, вспышки камер, перешёптывания.

Но я смотрю только вперёд.

Шлейф мягко скользит за мной. Каблуки ровно касаются дорожки. Спина прямая. Подбородок поднят.

И в центре стоит он.

Клинтон, мать его, Форд.

Я месяц его не видела.

И вот он.

Стоит в тёмном костюме, идеально скроенном. Волосы аккуратно уложены. Плечи расправлены. Руки сцеплены перед собой.

Когда его взгляд поднимается и встречается с моим...

Он замирает. Настояще.

Я увидела это отчётливо. Микросекунда, когда его лицо потеряло контроль. Когда дыхание сбилось. Когда взгляд стал не холодным, а почти оглушённым.

Он не ожидал. Не ожидал увидеть меня такой.

Его глаза медленно скользнули по мне сверху вниз. По открытому плечу. По линии талии. По кружевному шлейфу, растекающемуся по белой дорожке. И снова вверх. К лицу.

Я видела, как он будто не сразу пришёл в себя. Как напугалась его челюсть. Как едва заметно дрогнули пальцы.

Месяц назад он смотрел на меня с раздражением. С издёвкой. С привычной уверенностью, что всё под контролем.

Сейчас в его взгляде было другое. Что-то слишком глубокое, чтобы назвать это просто удивлением.

Глава-10. Проданная и представленная.

Его взгляд меняется быстро.

Ещё секунду назад в нём было что-то почти ошеломлённое, а теперь - лёд. Холодный, выверенный, привычный. Он словно щёлкнул внутри себя переключателем и снова стал тем Клинтоном Фордом, которого я знала. Контроль вернулся на место. Челюсть напряжена. Лицо без эмоций.

Музыка продолжает звучать. Отец делает шаг вперёд, и я двигаюсь вместе с ним. Белая дорожка под ногами кажется бесконечной. Я чувствую взгляды гостей – десятки, сотни. Они скользят по платью, по вуали, по нашим сцепленным рукам. Шёпот, приглушённые вдохи, щелчки камер.

Я держу спину идеально прямо.

Не споткнуться. Не показать слабость. Не дать ни единой трещины.

Каждый шаг отзывается в груди глухим ударом сердца. Оно бьётся слишком сильно, слишком громко. Мне кажется, его слышно всем.

Мы подходим ближе.

Он стоит у алтаря, неподвижный, как чёрная фигура на фоне света. Чёрный костюм сидит на нём безупречно. Плечи широкие, линия шеи строгая, тёмная ткань подчёркивает его

фигуру. Всё в нём собрано. Сдержано. Мужское.

Я ненавижу себя за эту мысль, но она прорывается сквозь злость.

Он чертовски красив. Чёрный ему идёт. Слишком.

Этот контраст - его тёмный силуэт и моё белое платье будто специально создан для драматичной картины. Мы выглядим так, словно сошли со страниц глянцевого журнала.

Только внутри совсем не глянец.

Мы останавливаемся.

Отец произносит формальные слова. Я почти не слышу их. В ушах гул, в груди напряжение. Мир сужается до нескольких метров пространства между мной и им.

Отец берёт мою руку, и передаёт ему.

Его пальцы касаются моей кожи.

И это словно ожог.

Тепло его ладони обжигает так резко, что по позвоночнику пробегает дрожь. Я едва удерживаюсь, чтобы не дёрнуться. Хочется выдернуть руку. Инстинктивно. Словно прикоснулась к открытому пламени.

Но я не могу.

Я чувствую силу его пальцев. Он держит крепко. Не грубо. Но уверенно.

Кожа под его ладонью будто становится слишком чувствительной. Каждое движение, даже малейшее, ощущается остро.

Я ненавижу это. Ненавижу, что моё тело реагирует быст-

рее, чем разум.

Дышать становится труднее.

Я поднимаю глаза и встречаю его взгляд. Холодный. Сосредоточенный. В нём нет улыбки. Нет мягкости.

Музыка стихает. Вокруг тишина.

Мы стоим рядом – чёрное и белое, лёд и огонь.

И в этот момент я понимаю: это не просто церемония.

Это начало долгого, тяжёлого противостояния. И никто из нас не собирается уступать.

Музыка стихает окончательно.

Тишина опускается плотным куполом. Я чувствую, как его пальцы всё ещё держат мою руку. Твёрдо. Уверенно. Без намёка на дрожь.

Я пытаюсь выровнять дыхание.

Это просто прикосновение. Ничего больше.

Но кожа под его ладонью будто горит. Не приятно. Не мягко. А раздражающе. Как если бы к запястью прижали раскалённый металл. Хочется выдернуть руку. Хочется отступить на шаг. Увеличить дистанцию.

Я не двигаюсь.

Он тоже.

Церемониймейстер начинает говорить. Голос ровный, торжественный. Слова о союзе, о семьях, о будущем. Они пролетают мимо меня, как ветер. Я слышу только отдельные фразы.

Я чувствую только его.

Он стоит слишком близко. Его плечо почти касается моего. От него пахнет чем-то тёмным, дорогим, сдержанным. Этот запах раздражает. Потому что он ему идёт.

Я поднимаю взгляд.

Он смотрит вперёд. Не на меня. Челюсть напряжена. Глаза холодные, сосредоточенные. Ни тени мягкости.

Он чуть сильнее сжимает мою руку, когда церемониймейстер упоминает обязательства.

Я мгновенно напрягаюсь. Это не поддержка. Это контроль.

Я медленно перевожу взгляд на него. Наши глаза встречаются.

В его взгляде нет восхищения. Нет сомнений.

Только сталь.

Как будто он говорит без слов: ты здесь. И ты никуда не денешься.

Я отвечаю ему тем же взглядом.

Я здесь не потому, что ты победил.

Я здесь, потому что пока так нужно.

Он едва заметно склоняет голову в сторону священнослужителя, когда приходит его очередь говорить. Голос у него низкий. Ровный. Без дрожи. Без пауз.

Ни одной лишней эмоции. Словно он подписывает контракт.

Когда очередь доходит до меня, я ощущаю, как всё внутри сжимается. Но голос выходит спокойным. Чётким. Я не

позволяю ему дрогнуть.

Обмен кольцами происходит быстро. Металл холодный, гладкий. Он надевает кольцо на мой палец без колебаний. Его пальцы касаются моей кожи дольше, чем нужно, но в этом нет нежности. Это как печать.

Я надеваю кольцо ему. Движение точное. Сдержанное.

Где-то в толпе слышится одобрителный шум. Аплодисменты.

Мы стоим рядом, официально связанные.

И аплодисменты вокруг звучат почти насмешкой.

– Вы можете скрепить союз поцелуем.

Слова звучат спокойно. Обыденно. Будто это просто очередной пункт в сценарии.

Я ахаю почти неслышно.

Поцелуй.

Я... я даже не подумала об этом. Всё это время думала о взглядах, о кольцах, о прикосновении руки. Но не о поцелуе.

И в ту же секунду, как будто назло, память подсовывает картинку.

Тот сон.

После помолвки. Его руки, резкое движение, как он притянул меня к себе. Как целовал меня жёстко, властно, не спрашивая разрешения. Во сне всё было слишком настоящим. Слишком осязаемым.

Я мысленно выругалась.

Прекрати.

Это был сон.

Только сон.

Я поднимаю глаза.

Он смотрит сверху вниз. Спокойно. Холодно. Ни одной лишней эмоции. Брови не дрогнули. Лицо как мрамор.

Ненавижу.

И вдруг он делает движение. Его ладонь поднимается к моему лицу.

Я теряюсь.

Пальцы касаются подбородка, скользят к щеке. Тёплые. Уверенные. Он обхватывает моё лицо ладонью, чуть приподнимает.

Я замираю.

Он действительно собирается это сделать?

Внутри всё вспыхивает. Сердце ударяет о рёбра так сильно, что, кажется, вот-вот вырвется наружу. Я ощущаю каждый миллиметр пространства между нами.

Он наклоняется. Медленно. Без спешки.

Его губы касаются моих. И это не мягкость. Это не нежность.

Это как тысяча тонких игл под кожей. Электрический разряд. Резкий всплеск тепла, который мгновенно расходится по телу. Он не углубляет поцелуй. Не прижимает сильнее. Просто касается.

Лёгкое, почти формальное прикосновение.

Три секунды.

Но за эти три секунды внутри меня происходит что-то неправильное.

Он отстраняется. Так же спокойно. Как будто ничего не случилось.

Я стою, не двигаясь. Дышать трудно. Губы горят. Реально горят. Словно на них остался отпечаток его тепла.

Нет. Я целовалась раньше. Дважды. С одним идиотом из колледжа, который больше интересовался собой, чем мной. Никаких фейерверков. Никакой бури. Просто поцелуй.

Почему сейчас внутри словно вспышка?

Почему дыхание сбивается?

Я поднимаю глаза, и встречаю его взгляд.

Он смотрит прямо в меня. Глубоко. Тяжело. В его глазах нет нежности. Но есть напряжение.

Руки чешутся ударить его с размаху.

По этому красивому, безупречному лицу.

Аплодисменты разрывают тишину.

Он выпрямляется, маска снова на месте. Холодный. Собранный.

Мы отходим чуть в сторону, пока гости начинают подниматься со своих мест. Его рука ложится на мою талию для фотографии.

Мне нужно помыть губы. С мылом. Как можно быстрее.

Иначе они не перестанут гореть.

Я стою рядом с ним, улыбаюсь натянутой, выученной улыбкой для гостей. Фотографы щёлкают камерами. Цветы

пахнут слишком сладко.

И внутри звучит только одна мысль.

Вот и всё. Мы официально женаты.

Я - его жена.

Жена мужчины, который когда-то разбил моё хрупкое, глупое, влюблённое сердце.

– Улыбайся, – произносит он едва слышно, почти не шевеля губами.

Приказ. Не просьба.

Я медленно поворачиваю к нему голову, и на моих губах появляется идеальная, отточенная улыбка.

– Иди к чёрту, – тихо говорю я, не переставая улыбаться для камер.

Он даже не смотрит на меня.

– После банкета я отрежу тебе этот длинный язык, – отвечает так же тихо, с ледяным спокойствием.

Я поворачиваю голову к нему, продолжая держать улыбку.

– А ты попробуй, ублюдок.

Его челюсть сжимается. Я вижу это отчётливо. Мышца на щеке дёргается. На секунду его пальцы на моей талии становятся жёстче.

– Что у тебя с выражением лица? – шепчу я. – Улыбайся, милый.

Он медленно поворачивается ко мне, и ухмыляется.

Это не тёплая улыбка. Это острая, опасная линия губ. В его глазах появляется что-то тёмное.

– А ты сильно изменилась, – произносит он негромко.

Я приподнимаю брови.

– Правда?

– Сначала я тебя даже не узнал, – продолжает он. – Когда впервые увидел в том убежище.

Слова звучат ровно. Но в них скрыт укол.

Убежище.

Тот момент. Моё бегство.

Я смотрю на него внимательно.

– Жаль, – отвечаю спокойно. – Значит, раньше ты смотрел недостаточно внимательно.

Его взгляд становится острее.

– Раньше ты была другой.

– Раньше я была глупее, – бросаю я.

Он склоняет голову чуть ближе.

– Нет, – говорит тихо. – Раньше ты была мягче.

Я чувствую, как внутри что-то вспыхивает.

– Ошибаешься, – отвечаю. – Просто теперь я не притворяюсь.

Гости продолжают поздравлять нас, кто-то тянет его за руку для фотографии. Он отпускает мою талию, но его взгляд не отпускает меня.

В нём нет тепла.

Только вызов.

И осознание, что перед ним стоит уже не та девушка, которую можно было сломать одним унижением.

И если он думает, что этот брак сделает меня покорной, он сильно просчитался.

К нам начинают подходить гости.

Один за другим. Улыбки, запах дорогого парфюма, поздравления, бокалы с шампанским. «Какая красивая пара», «Какой прекрасный союз», «Вы идеально подходите друг другу».

Я киваю. Благодарю. Улыбаюсь ровно настолько, чтобы это выглядело естественно. Рука Клинтона то ложится на мою спину, то исчезает, но я всё равно ощущаю его присутствие рядом. Плотное, тяжёлое.

Каждое поздравление звучит как насмешка.

Союз. Счастье. Любовь.

Если бы они знали.

Наконец я замечаю в толпе родителей.

Мама идёт первой. Её глаза красные, ресницы чуть слиплись от слёз. Она старается держаться, но видно, что плакала. Рядом Джоди. Её взгляд острый, почти враждебный. Она даже не пытается изобразить радость. И отец. Собранный. Холодный. Спокойный.

Как всегда.

Они подходят ближе.

– Поздравляем, – говорит мама, и голос её дрожит.

Я коротко киваю.

Джоди смотрит на Клинтона так, будто готова прожечь его насквозь.

Отец протягивает ему руку.

Клинтон принимает её. Их рукопожатие крепкое, показательно твёрдое. Два мужчины, заключившие сделку.

И я вдруг ощущаю, как внутри поднимается что-то горькое.

– Желаю вам счастья, – произносит отец.

Счастья.

Мне становится смешно. Смешно до абсурда. До тошноты.

Счастья?

Человек, который собственноручно загнал меня в этот брак. Который выставил охрану вокруг дома. Который перекрыл мне каждый путь к отступлению.

Он желает мне счастья.

Я чувствую, как губы чуть дёргаются в улыбке. Почти настоящей. Но внутри пусто.

Если бы счастье можно было подписать контрактом.

Если бы счастье продавалось так же легко, как дочери в выгодных союзах.

Меня буквально мутит от этой мысли.

Я смотрю на отца.

В его лице нет ни тени сомнения. Он уверен, что сделал правильно. Что всё это стратегически верное решение. Выгодное. Надёжное.

Он смотрит на меня чуть мягче.

– Ты выглядишь достойно, – говорит он.

Достойно.

Как будто речь идёт о приёме. О деловой встрече. О том, что я не опозорила фамилию.

И меня снова накрывает странная смесь смеха и отвращения.

Достойно проданная дочь.

Вот что я сейчас.

– Спасибо, – отвечаю спокойно.

Мой голос звучит ровно. Ни одной трещины.

Клинтон молчит, но я чувствую, как он улавливает напряжение. Его взгляд скользит от моего лица к отцу.

– Я рассчитываю, – продолжает отец, обращаясь к нему, – что ты обеспечишь ей стабильность.

Стабильность.

Не любовь. Не уважение.

Стабильность.

Как будто я инвестиция.

Клинтон отвечает холодно:

– Она будет обеспечена всем необходимым.

Не «счастлива».

Не «в безопасности».

Обеспечена.

Два деловых человека обсуждают условия.

Я стою между ними. Предмет обсуждения. И внутри у меня разливается тяжёлое, липкое чувство. Мне хочется рассмеяться прямо здесь. Громко. Истерично. Чтобы разрушить

эту идеальную картинку.

Но я лишь улыбаюсь.

Мама осторожно обнимает меня, стараясь не помять платье.

– Всё будет хорошо, – шепчет она.

Я почти хочу спросить: для кого?

Джоди подходит ближе, обнимает крепче.

– Если он тебя обидит... – начинает она, глядя на Клинтона.

– Достаточно, – холодно перебивает отец.

Конечно.

Контроль. Репутация.

Отец снова смотрит на меня.

И на секунду в его глазах мелькает что-то человеческое.
Почти сожаление.

Почти.

Но оно быстро исчезает.

Он выбрал. И я часть его выбора.

Когда они отходят, я чувствую, как внутри остаётся только тяжесть.

Смешно.

До боли смешно, что человек, который продал мою свободу ради выгоды, стоит здесь и желает мне счастья.

И ещё больнее осознавать, что он искренне верит в свои слова.

Я перевожу взгляд на Клинтона.

– Какая трогательная сцена, правда? – тихо говорю я.

Он смотрит на меня внимательно.

– Ты улыбаешься, – замечает он.

– Конечно, – отвечаю. – Я же счастлива.

И в этот момент я понимаю, что в этой игре лицемерия я тоже уже начинаю играть не хуже них.

Клинтон смотрит на меня чуть дольше, чем нужно. Его взгляд скользит по моему лицу, будто он пытается разобрать, где в моих словах сарказм, а где правда. Но он ничего не говорит. Только едва заметно усмехается холодно, почти лениво.

И в этот момент к нам подходит ещё один человек.

Высокий. Седина аккуратно зачёсана назад. Лицо резкое, чёткое, будто высеченное из камня. Взгляд тяжёлый, пронизывающий.

Генри Форд.

Отец Клинтона.

Его жена умерла давно. В их доме давно нет мягкого голоса, нет женского тепла. Только мужчины, решения и фамилия. Возможно, поэтому в Клинтоне так мало света.

Он останавливается перед нами.

Клинтон чуть выпрямляется. Почти незаметно. Но я это вижу.

– Отец, – произносит он.

Генри кивает.

– Клинтон.

Затем его взгляд переходит на меня. Он рассматривает меня так же внимательно, как недавно мой отец. Не как невесту. Как решение.

– Милли, – произносит он ровно. – Поздравляю.

– Благодарю, мистер Форд, – отвечаю спокойно.

Он выдерживает паузу.

– Согласившись на этот брак, вы приняли лучшее решение в своей жизни.

Моя челюсть сжимается так резко, что в висках начинает пульсировать.

Лучшее решение?

Мне не оставили выбора. Меня поставили перед фактом. Перекрыли выходы. Закрыли двери.

Лучшее решение.

Я чувствую, как внутри поднимается горячая волна злости. Но лицо остаётся спокойным. Почти вежливым.

– Надеюсь, вы правы, – произношу я.

Он смотрит на меня внимательно. Долго. Как будто проверяет, достаточно ли во мне покорности.

– В нашей семье ценят разумные шаги, – продолжает он.
– Эмоции редко приводят к хорошим результатам.

Я ощущаю, как Клинтон стоит рядом, неподвижный. Его лицо непроницаемо.

– Тогда мне повезло, – отвечаю я, – потому что этот союз был крайне... рациональным.

В глазах Генри мелькает что-то похожее на одобрение.

– Именно, – кивает он. – Рациональность – основа ста-
бильности.

Стабильность. Снова это слово.

Я перевожу взгляд на Клинтона.

– Похоже, у вас в семье любят стабильность, – говорю ти-
хо.

Клинтон отвечает спокойно:

– Мы предпочитаем контроль.

Я усмехаюсь.

– Это заметно.

Генри чуть прищуривается.

– Контроль защищает. Без него мир слишком хаотичен.

– Иногда хаос честнее, – не удерживаюсь я.

Клинтон бросает на меня предупреждающий взгляд.

Генри делает паузу, затем говорит:

– Со временем вы поймёте, Милли, что этот брак откроет
вам возможности, которых у вас никогда бы не было.

Возможности.

Я думаю о запертых дверях. О ночной попытке сбежать.
О охране у ворот.

– Уверена, – отвечаю ровно. – Возможности всегда имеют
цену.

Клинтон слегка поворачивает голову ко мне.

Генри задерживает на нас взгляд ещё на секунду.

– Берегите фамилию, – говорит он сыну.

Клинтон отвечает коротко:

– Разумеется.

И всё. Никаких объятий. Никакой теплоты. Только сухие слова.

Генри отходит к другим гостям.

Я смотрю ему вслед и чувствую странную смесь.

Смешно. И противно.

Два отца. Два серьёзных мужчины. Два человека, которые считают, что всё сделали правильно.

Один продал. Другой купил.

А я стою между ними в белом платье. С кольцом на пальце.

И с пылающими губами, которые до сих пор напоминают о поцелуе, которого не должно было быть.

И вдруг я вижу его.

Сначала – просто знакомый силуэт. Потом лицо.

И сердце на секунду пропускает удар.

Эван.

Я замираю.

Это же тот парень из убежища. Тот самый, с которым мы коротко пересеклись в тот день, когда я пряталась от всего мира. Я даже... почти забыла о нём. О тех разговорах. О его спокойном голосе.

Он тоже замечает меня. И в его глазах такой же шок.

– Миллисента? – произносит он, будто не до конца верит.

Я моргаю.

– Эван?

Между нами повисает неловкая пауза. Секунда. Две. Слишком долгие.

Я ощущаю, как рядом напрягается Клинтон.

Он чуть приподнимает бровь.

– Вы знаете друг друга?

Голос спокойный. Но в нём уже появляется холодный оттенок.

– Мы... познакомились однажды, – отвечаю я, стараясь, чтобы это звучало нейтрально.

Эван делает шаг ближе, но останавливается, будто вспоминает, где находится.

– Я искал тебя, – говорит он прямо. – После того как ты исчезла.

Исчезла. Слово неожиданно царапает.

Я вижу в его глазах не упрёк. Не злость.

Грусть. И растерянность.

– А ты... – он переводит взгляд на платье, на кольцо, на Клинтона. – Ты выходишь замуж.

Я чувствую, как пальцы сами собой сжимают ткань платья.

– Я... эм... так получилось, – выдыхаю. – Извини, что ушла не попрощавшись.

Хотя у меня и не было возможности.

Потому что ублюдок по имени Клинтон нашёл меня. Схватил. Перекинул через плечо, как вещь. И утащил обратно, не оставив ни шанса что-то объяснить.

Я чувствую, как внутри поднимается старая злость.

И в этот момент голос Клинтона разрезает пространство.

– Кажется, вы забыли, что тут стою я.

Он делает шаг ближе ко мне. Слишком близко.

– Может, я мешаю вам? Мне уйти?

В его голосе яд. Спокойный. Холодный. Опасный.

Эван мгновенно отступает на полшага.

– Извините, – говорит он. – Я просто... в удивлении. Увидеть знакомую в таких обстоятельствах.

Я нервно сжимаю платье ещё сильнее. Ткань чуть мнётся под пальцами.

Клинтон переводит взгляд с него на меня.

– Не забывайте, – произносит он отчётливо, – что рядом с ней стоит её муж.

Слово звучит тяжело.

Муж.

Я чувствую, как в груди что-то неприятно сжимается.

Эван замирает. Его взгляд на секунду задерживается на моём лице, будто он ищет подтверждение. Или опровержение.

Но я молчу.

Он кивает.

– Простите. Конечно. Поздравляю вас... с таким великим днём.

Его голос уже более официальный. Отстранённый.

Я вижу, как он старается держаться достойно.

– Спасибо, – тихо отвечаю я.

Клинтон ничего не говорит. Но его рука ложится мне на спину. Чуть ниже лопаток. Жёстко. Обозначая территорию.

Эван замечает этот жест. И в его глазах мелькает понимание.

Он делает ещё шаг назад.

– Я рад, что ты в порядке, – говорит он мне, уже тише. – Это главное.

В порядке.

Я едва заметно киваю.

Он уходит. Слишком быстро.

И как только расстояние между нами увеличивается, я ощущаю, как ладонь Клинтона на моей спине сжимается сильнее.

– Интересные у тебя знакомства, – произносит он спокойно.

Я поворачиваю голову.

– Ревнуешь?

Его взгляд становится ледяным.

– Не льсти себе.

Но рука не исчезает.

И я понимаю. Это не ревность. Это собственничество.

И от этого становится ещё противнее.

Музыка становится громче. Смех разносится по саду. Кто-то из организаторов объявляет следующий «обязательный момент» программы.

Бросок букета. Как символ.

Как глупая традиция, в которой якобы есть что-то лёгкое и весёлое.

Меня мягко подталкивают вперёд. Кто-то поправляет шлейф. Я чувствую на себе десятки взглядов.

– Пора, – говорит одна из организаторов с улыбкой.

Я поворачиваюсь спиной к толпе незамужних девушек. Белая дорожка под ногами, бассейн блестит в стороне, солнце ослепляет.

Я не думаю ни о чём. Просто поднимаю букет.

Внутри пусто.

– Раз... два... три!

Я бросаю.

Букет вылетает из рук легко. На секунду я ощущаю странное облегчение, будто избавляюсь от чего-то лишнего.

Смех. Крики. Шорох ткани.

Я медленно поворачиваюсь. И замираю.

Букет в чужих руках. В тонких, аккуратных пальцах.

Николь Винтер.

Моё сердце будто проваливается вниз.

Она стоит чуть поодаль от остальных девушек, но букет именно у неё. Белые цветы контрастируют с её идеально уложенными волосами. С безупречным макияжем. С этой самодовольной, медленной ухмылкой, которая появляется на её губах.

Николь.

Та, которую я когда-то называла лучшей подругой.

Та, с которой делилась всем. Секретами. Страхами. Мечтами.

Та, которая годами умела тонко унижать меня так, что я сначала даже не замечала. Шутки «по-дружески». Колкие замечания. Сравнения. Всегда чуть лучше. Чуть ярче. Чуть увереннее.

А потом...

Тот день.

Когда я, глупая, влюблённая, призналась Клинтону в чувствах.

И она стояла рядом с ним.

И смеялась.

Громче всех.

Она первая подхватила волну насмешек. Она сделала это публичным. Разнесла по школе. Превратила моё признание в анекдот.

Я до сих пор помню, как гудел интернет. Комментарии. Сторис. Подколы. Мемы. Моя фамилия рядом с его. И её саркастичные подписи.

И вот сейчас она стоит передо мной. С моим букетом в руках.

И ухмыляется.

Я чувствую, как пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки.

Вокруг смеются. Кто-то аплодирует. Девушки поздравля-

ют её.

А я смотрю только на неё.

Она чуть наклоняет голову вбок. Её взгляд скользит по моему платью. По кольцу на пальце. По Клинтону рядом со мной.

И в этом взгляде слишком много.

Зависть?

Триумф?

Или желание напомнить мне о прошлом?

Она поднимает букет чуть выше. Демонстративно.

Словно говорит: смотри.

Меня накрывает волна злости.

Что она тут делает?

Глава-11. Холодная ложевая правда.

Я резко поворачиваюсь к Клинтону.

Внутри всё кипит. Мысли сталкиваются, как искры.

Они что, договорились?

Он позвал её сюда? Специально? Чтобы напомнить мне тот день? Чтобы снова ткнуть лицом в унижение, которое когда-то меня разрушило?

Я смотрю на него пристально.

И замираю.

Он сам в шоке. Это видно. В его глазах нет привычной холодной уверенности. Нет расчёта. Только короткая, резкая растерянность, когда он переводит взгляд с меня на Николь.

Значит, он не ожидал.

Но от этого не легче.

Потому что она здесь.

Николь медленно подходит ко мне, держа букет так, будто это трофей. Белые цветы в её руках выглядят издёвкой. Символ «счастья», который сейчас кажется орудием.

– Спасибо за букетик, – говорит она сладко.

Меня выворачивает изнутри.

Букетик.

Слово будто липнет к коже.

Я чувствую, как дрожь пробегает по позвоночнику. Руки становятся холодными, но внутри всё горит.

– Извини, что пришла поздно. И мои поздравления.
В её голосе чистый яд. Отточенный годами.

Меня трясёт.

– Что ты, мать твою, тут делаешь? – выдыхаю я тихо, так, чтобы никто вокруг не услышал.

Она склоняет голову набок, будто не понимает.

– Ой, извиняюсь. Пришла без приглашения.

И делает шаг ближе. Слишком близко.

Я чувствую её парфюм. Узнаю его. Слишком хорошо.

– Ты же не прогонишь свою давнюю подругу, так? – её губы растягиваются в ухмылке. – Толстушка Милли.

Мир будто на секунду глохнет.

Толстушка.

Это слово бьёт точнее пощёчины.

Сколько раз она произносила его в шутку? Сколько раз смеялась, сравнивая меня с собой?

Я чувствую, как под платьем дрожат колени.

Вспоминается тот день.

Как гудел интернет. Как телефон вибрировал без остановки. Как она смеялась, когда я призналась ему. Как именно она превратила моё признание в публичный спектакль. Разнесла, приукрасила, добавила язвительных деталей.

Я тогда хотела исчезнуть. Умереть. Стать невидимой.

И сейчас она стоит передо мной. В день моей свадьбы. С

моим букетом.

Меня трясёт от злости.

Я хочу стереть эту улыбку. Хочу, чтобы она почувствовала хотя бы часть того, что чувствовала я.

И в этот момент рядом появляется Клинтон.

Резко.

Он хватает Николь за запястье. Жёстко. Без церемоний.

– Идём со мной, – произносит он холодно.

Николь поворачивается к нему, всё ещё улыбаясь.

– Никуда я не пойду.

Он не повышает голос.

– Повторять не стану.

И в его тоне столько стальной угрозы, что даже мне становится холодно.

Николь сжимает челюсть. Я вижу, как в её глазах вспыхивает ненависть. Уже без маски.

Она бросает на меня взгляд.

Острый, обжигающий.

И резко разворачивается.

Уходит.

Клинтон идёт за ней.

А я остаюсь стоять.

Меня трясёт. Не слегка, а по-настоящему.

Сердце колотится так, что в ушах шумит. В груди давит. Пальцы впиваются в ткань платья, будто я держусь за неё, чтобы не развалиться.

Что эта тварь здесь делает?

Зачем?

Чтобы напомнить, кем я была? Чтобы снова сделать меня той девочкой, которая боялась зеркала?

Я закрываю глаза на секунду.

Нет. Я больше не та.

Но боль всё ещё жива. И от этого внутри настоящая буря.

Я стою, не двигаясь.

Музыка играет. Люди смеются. Кто-то рядом что-то обсуждает, звон бокалов звенит слишком громко. Мир не остановился. Остановилась только я.

В груди тяжело. Словно туда положили камень. Старый. Знакомый. Тот самый, который я носила годами, даже когда делала вид, что всё прошло.

Толстушка Милли.

Сколько лет я потратила, чтобы перестать слышать это в своей голове? Сколько часов перед зеркалом, выискивая в себе изъяны, которые она так умело подсвечивала? Сколько раз я улыбалась, когда она «шутила», а потом плакала ночью, убеждая себя, что я просто слишком чувствительная?

Я думала, что выросла из этого. Что стала сильнее. Что её слова больше ничего не значат.

Но тело не врёт.

Меня всё ещё трясёт.

Я медленно делаю вдох. Воздух кажется горячим, плотным. Платье вдруг становится тяжёлым, словно на плечи по-

весили не шлейф, а цепи.

Гости продолжают веселиться. Никто ничего не заметил. Для них это всего лишь очередной красивый эпизод свадьбы.

Я вижу краем глаза, как Клинтон уводит Николь в сторону, подальше от центра. Его спина напряжена. Шаг быстрый, резкий. Он что-то говорит ей, наклонившись ближе. Я не слышу слов.

И вдруг меня накрывает новая мысль.

А если она пришла не просто так?

В день, когда я и так стою на грани.

Внутри вспыхивает ещё одна волна. И это не только от злости. А от унижения.

Она видела мой шок. Видела, как я замерла. Видела, как слово ударило.

Я ненавижу, что дала ей это увидеть.

Пальцы всё ещё впиваются в ткань платья. Я заставляю себя разжать их. Медленно. Контролируемо.

Я медленно выпрямляюсь. Поднимаю подбородок. Вдыхаю глубже.

Если она думает, что я всё ещё та девочка, которую можно унизить одним словом, она ошибается.

Но, чёрт возьми, почему до сих пор так больно?

Я перевожу взгляд туда, где исчезли Клинтон и Николь.

Они стоят чуть поодаль, у линии деревьев.

Тень от высоких стволов ложится на их фигуры, и со стороны кажется, будто сама природа пытается скрыть этот раз-

говор от чужих глаз. Но я всё равно вижу. Слишком хорошо вижу.

И они не просто разговаривают. Они ссорятся.

Это заметно даже издали по резкости движений, по напряжённым силуэтам. Николь размахивает руками, её жесты острые, рваные. Лицо искажено злостью, губы двигаются быстро, она явно повышает голос, пусть музыка и заглушает слова. Это не её привычная сладкая маска. Это настоящая ярость.

Клинтон стоит напротив неё неподвижно. Плечи напряжены, спина прямая, будто стальная. Он отвечает коротко, резко. Даже отсюда видно, как он обрывает её фразы. Как ставит границы.

Она делает шаг к нему. Он не отступает ни на сантиметр. Что это между ними?

Внутри неприятно холодеет.

Я вдруг отчётливо понимаю, как мало знаю о его жизни за те годы. С кем он общался. Кого подпускал к себе. Кому позволял стоять так близко.

Николь снова взмахивает рукой. Он перехватывает её запястье - не грубо, но жёстко. Она вырывается. Их лица оказываются слишком близко друг к другу. На секунду.

Слишком близко.

Что их связывает?

Она резко отдёргивает руку, её лицо перекошено яростью. Она что-то бросает ему напоследок и разворачивается.

И в этот момент я вижу, как Клинтон закрывает глаза на секунду. Будто сдерживается. Будто считает до трёх.

Николь замечает, что я смотрю. И начинает идти ко мне. Уверенно.

С тем самым выражением лица, от которого когда-то у меня подкашивались колени.

Я стою вся на нервах. Пальцы впиваются в ткань платья. Сердце грохочет так, что я едва слышу музыку.

Но она не доходит. Клинтон перехватывает её раньше. Что-то говорит жёстко, и она резко разворачивается в другую сторону. Уходит прочь, с высоко поднятой головой, но я вижу что её трясёт.

Через несколько секунд он уже рядом со мной.

– Она ушла, – говорит он спокойно. – Больше не побеспокоит тебя.

Я поворачиваюсь к нему, и смотрю так, что если бы взглядом можно было ранить, он бы истекал кровью.

– Надеюсь, вы счастливы? – произношу я сквозь зубы.

Его брови слегка сходятся.

– О чём это ты?

Я нервно усмехаюсь.

– Хорошо поразвлеклись? Браво.

Я даже хлопаю в ладоши – тихо, едко.

Его лицо каменеет.

– Ты думаешь, я специально её сюда позвал?

– А иначе как объяснишь её появление? – почти шиплю я.

Он смотрит прямо в глаза.

– Я и сам не менее удивлён, чем ты.

Я снова усмехаюсь, но внутри всё клокочет.

– Тогда как она здесь оказалась? Что вас вообще связывает?

И этот вопрос внезапно звучит острее, чем я ожидала.

Что их связывает?

Я не верю, что Николь пришла только ради меня. В её взгляде было что-то ещё. Что-то направленное не только в мою сторону.

Тут есть что-то ещё.

Связанное с ним.

– Давай закроем тему, – говорит он холодно.

Закроем тему?

Во мне будто что-то взрывается.

– Нет. Ты объяснишь мне всё, – требую я.

Внутри хаос. Мысли сталкиваются, злость, старые обиды – всё перемешалось. А он предлагает просто закрыть тему?

Он делает шаг ко мне. Слишком близко.

Его пальцы резко захватывают мой подбородок. Не больно, но жёстко. Он приподнимает моё лицо к себе и наклоняется к самому уху.

Я замираю.

По коже пробегает холод.

– Не трепи мне нервы, – произносит он тихо. – Иначе пожалеешь.

Голос ровный. Почти спокойный.

Я чувствую его дыхание у виска. Чувствую силу в пальцах.

И внутри поднимается огонь.

Я с силой сжимаю платье.

Ненавижу.

Как же я его ненавижу.

За то, что он позволяет себе так со мной говорить.

Я поднимаю на него взгляд.

И если он думает, что я испугаюсь - он ошибается.

Но, чёрт возьми, почему всё внутри так болезненно дрожит?

Музыка становится громче. Кто-то объявляет первый танец. Гости оживляются, расступаются, образуя круг. Смех, звон бокалов, вспышки камер. Для них это кульминация вечера. Красивый момент.

Для меня очередное испытание.

Клинтон смотрит на меня несколько секунд. Его лицо снова непроницаемо. Словно ничего только что не произошло. Словно он не сжимал мой подбородок и не шептал угрозу мне на ухо.

Он протягивает руку.

– Пойдём.

Это не просьба.

Я смотрю на его ладонь. Сильную. Уверенную. И вкладываю свою.

Мы выходим в центр.

Музыка медленная. Тягучая. Почти интимная. Люди вокруг растворяются в размытом фоне. Всё внимание на нас.

Он кладёт руку мне на талию. Тёплая ладонь скользит по ткани платья, останавливается чуть ниже лопаток. Вторая рука сжимает мою.

Я чувствую его мужской, тёмный запах. Не сладкий. Не резкий. Глубокий. С нотками чего-то древесного и холодного. Он обволакивает, пробирается под кожу.

И я ненавижу, что замечаю это.

Мы начинаем двигаться. Медленно.

Его шаги уверенные, точные. Он ведёт, не оставляя мне выбора. Моё тело автоматически подстраивается под его ритм.

Почему сердце так бьётся?

Я чувствую, как оно буквально ударяется о рёбра. Гулко. Быстро. Почти болезненно.

От злости?

От адреналина?

Или от того, что его рука держит меня слишком крепко?

По сравнению со мной он слишком высокий. Даже на каблуках я едва достаю до его плеча. Мне приходится слегка запрокидывать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

Он смотрит вниз. Холодно. Но слишком внимательно.

Музыка тянется, как густой мёд. Его ладонь медленно скользит по моей спине в такт шагам. Я чувствую силу в его пальцах. Чувствую, как он контролирует каждое движение.

– Улыбайся, – тихо говорит он, не меняя выражения лица.
Я растягиваю губы в улыбке.
Для гостей. Для фотографий. Для этой идеальной картин-
ки.

Снаружи мы красивая пара.

Я ощущаю тепло его тела сквозь тонкую ткань. Его грудь
рядом. Его дыхание над макушкой. Каждый поворот застав-
ляет платье мягко шуршать вокруг нас.

Почему моё тело реагирует?

Почему от его близости по позвоночнику проходит стран-
ная волна?

Я злюсь на себя.

Это просто танец. Просто мужчина. Тот самый, которого
я ненавижу.

Но сердце продолжает биться слишком громко.

Он чуть наклоняется ближе.

– Прекрати искать её, – говорит тихо.

Я понимаю, что искала Николь взглядом.

– А ты прекрати приказывать, – шепчу в ответ.

Его пальцы на талии сжимаются чуть сильнее. Не больно.
Но предупреждающе.

Мы кружимся. Гости аплодируют в такт музыке. Кто-то
умиляется. Кто-то снимает на телефон.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом.

Он слишком близко.

Слишком реальный.

Слишком красивый в этом чёрном костюме, который подчёркивает ширину плеч, линию шеи, резкие скулы.

И я снова ненавижу, что замечаю это.

Музыка замедляется ещё сильнее. Его ладонь перемещается чуть выше, почти к середине спины. Моё дыхание сбивается.

Почему?

Почему тело предаёт меня, когда разум кричит «ненавижу»?

Я чувствую, как его грудная клетка поднимается и опускается в одном ритме со мной. Как будто наши дыхания синхронизировались против воли.

– Ты дрожишь, – произносит он едва слышно.

– От холода, – отвечаю я.

Он усмехается.

– Сегодня жарко.

Да.

Слишком.

Музыка заканчивается на протяжной ноте. Он делает последний поворот, притягивает меня чуть ближе, чем нужно, и на секунду наши тела соприкасаются полностью.

Сердце ударяется о рёбра так сильно, что я боюсь, он услышит.

Аплодисменты разрывают тишину.

Он отпускает меня медленно.

Музыка сменяется более быстрой, живой. Гости оживля-

ются, кто-то уже тянет партнёра на танцпол, кто-то смеётся слишком громко, шампанское льётся в бокалы. Вечер снова становится праздником – ярким, шумным, красивым.

А между нами будто снова вырастает стена.

Клинтон отпускает меня. Его ладонь исчезает с моей спины, и место, где он держал, вдруг кажется холодным. Он делает шаг в сторону, лицо снова каменное, взгляд собранный. Ни намёка на эмоции.

Будто это был просто танец.

Я тоже отступаю.

И первое, что делаю - ищу глазами Николь.

Толпа размывается перед глазами, лица мелькают, огни гирлянд вспыхивают золотом. Я сканирую пространство с каким-то навязчивым напряжением. А вдруг она всё ещё здесь? А вдруг снова появится за спиной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.